

Александра Дроздова

18+

Прости, мне пора

роман-путешествие

18+

Основано на реальных событиях

Александра Дроздова

**Прости, мне пора.
Роман-путешествие**

«Издательские решения»

Дроздова А.

Прости, мне пора. Роман-путешествие / А. Дроздова —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-984140-7

Случайное знакомство в Венеции, изысканный обед с видом на лимонные террасы в Сорренто, страсть на скалах Амальфи... Захватывающая история отношений венецианского архитектора и русской переводчицы расскажет о том, что на самом деле происходит за фасадами красивых палаццо и что скрывается под маской итальянской вежливости. В чёрном лабиринте переулков и каналов главной героине нужно ответить только на один вопрос: как далеко ты готова зайти ради любви? Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-44-984140-7

© Дроздова А.
© Издательские решения

Содержание

Основано на реальных событиях	6
I	7
II	12
III	17
IV	24
V	36
VI	44
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Прости, мне пора Роман-путешествие

Александра Дроздова

Дизайнер обложки Алина Фальтина

Корректор Светлана Переверзева

© Александра Дроздова, 2020

© Алина Фальтина, дизайн обложки, 2020

ISBN 978-5-4498-4140-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Основано на реальных событиях

*Я умею постоянно перевоплощаться
и со смехом делать то,
что многим может показаться
запрещенным или непристойным.
Любить, не любя...*

Джакомо Казанова

I

Февраль, 2010 год

Яркое пятно солнца бьёт прямо в глаза, едва я выхожу из полумрака перрона на ступени железнодорожного вокзала Санта-Лючия. Крики чаек, звон колоколов, гул разношёрстной толпы, воздух, пропитанный «запахом мёрзлых водорослей», – от первого глотка венецианского коктейля моментально кружится голова. Почти сразу же приходит ощущение лёгкости и свободы. Не нужно больше ни о чём думать. С этого момента город принимает решения за тебя.

Жмурясь от солнечных бликов, играющих на бирюзовой глади канала, я жду вапоретто¹, чтобы добраться на нём до сердца города на воде. На носу речного трамвайчика хозяйничает холодный февральский ветер, но ничто не может заставить меня зайти внутрь, ведь одно из самых приятных ощущений – чувствовать на коже мелкие брызги морской воды и согревающие лучи солнца. То там, то здесь над водой нависают причудливые силуэты палаццо, появляются залитые золотым светом купола церквей; колокольни, пронзая своими шпилями синее небо, тают в полуденном солнце.

Вапоретто причаливает к плавучей остановке Сан-Закария, и я моментально оказываюсь в людском водовороте. Туристы, создавая большие пробки около мостиков, неторопливо перекачиваются по набережной Скъявони. С каждой минутой их становится всё больше. Не успев высадиться с мотоскафов², катеров и вапоретто, они жадно набрасывают объективами своих фотоаппаратов и видеокамер на персонажей в роскошных костюмах, застывших в причудливых позах на фоне лагуны. Джокеры, Венецианские Дамы, Коты, Арлекины, Коломбины, ангелы и вампиры представляют собой калейдоскоп, сюрреалистические узоры которого наводят на мысль о сумасшествии. Я удивлённо верчу головой по сторонам. Повсюду маски, маски, маски. Тот, кто заранее не подготовился к всеобщему веселью, выстраивается в очередь к уличным художникам по боди-арту, чтобы разрисовать себе лицо. Пышные юбки из дорогих тканей, зеркала и веера, шляпы и тюрбаны... Мужчина-казино, расставив руки в стороны, медленно кружится на месте, а рядом, угрожающе держа трезубец, прожигает всех взглядом дьявол, кажется, он только что поднялся из преисподней. Дама в образе пирожного-безе позирует на фоне белых колонн, а в это время на лавочке милуется парочка леприконов на радость фотографам. Всё это напоминает падение Алисы в кроличью нору. Так, сама того не ожидая, я оказалась в Венеции в разгар Карнавала. Совершенно одна.

Хочется как можно скорее добраться до гостиницы, чтобы принять душ, переодеться и пойти исследовать Венецию, желательно подальше от эпицентра праздника. На поиски дороги в отель уходит меньше времени, чем ожидалось. Палаццо, окружённый пустынным кампо³, находится примерно в пяти минутах ходьбы от площади Сан-Марко. Двери гостиницы наглухо закрыты, никакого присутствия жизни не наблюдается. Я звоню в латунный звонок. Через пару секунд дверь открывается. В своеобразном фойе идёт ремонт, очевидно, уже не первый год. Мраморный лев в начале крутой лестницы погрузился в уныние. На втором

¹ Здесь и далее примечания автора. *Vaporetto* – главный вид общественного транспорта в Венеции, аналог речного трамвая (*ит.*).

² *Motoscafo* – деревянная моторная лодка с застеклённой кабиной (*ит.*).

³ *Campro* – поле (*ит.*). В Венеции – маленькая площадь.

этаже дверь радостно улыбается разноцветными витражами, резко контрастируя с недовольной миной портье:

– Здравствуйте!

– Здравсьте, – сквозь зубы выплёвывает венецианец.

Выражение его лица настолько недовольное, что сначала приходит мысль: «А это точно гостиница?»

– Паспорт, – всем своим видом и тоном голоса мужчина показывает, что ему помешали.

О надменности венецианцев рассказывают часто, но получить подобный приём от человека, который живёт за счёт туристов, кажется немного странным. Когда он смотрит в мой документ, его губы изгибаются в брезгливой усмешке.

– Какие-то проблемы? – холодным голосом интересуюсь я.

– Нет, никаких, – отрезает он.

Его взгляд скользит по моему каменному лицу.

– Ключ от комнаты. Ключ от входной двери. Завтрак до десяти утра.

– Спасибо.

– Подождите, я провожу Вас до номера.

Не обернувшись, я ставлю свой чемодан на мраморный пол и иду дальше. Паспорт, кстати, служащий гостиницы так и не вернул. Видимо, боялся, что сбегу, не оплатив счёт.

Пока я стою под тёплыми струями душа, в голове всплывает разговор, который произошёл незадолго до моей поездки:

– Ты что? Правда едешь в Венецию одна? – спросил Марко, сделав акцент на слове «одна».

– Да. А что такого?

– Ну... это же... хмм... странно...

– Это ещё почему?

– Венеция – город влюблённых! Туда нужно ехать в романтическое путешествие!

Марко – старый терпеливый друг по переписке, с которым я время от времени практиковала итальянский язык. Как и все итальянцы, он был отчаянно сентиментален.

– О, нет. Давай оставим эту тему.

– Ладно. Но будь готова к тому, что венецианцы очень заносчивые. Ко всем относятся с нескрываемым презрением.

– Я просто хочу посмотреть город. Отдохнуть от работы. Я не собираюсь заводить друзей.

Несмотря на то, что даже сами итальянцы считают поездку в Венецию в одиночестве чем-то странным, гуляя по лабиринту её улиц, очень быстро понимаешь, что на самом деле это всего лишь условность. Чтобы сполна насладиться мистической красотой этого города, в первый раз лучше приезжать одному. Здесь, как нигде, под кожу проникает будоражащий дух приключений, а по телу разливается трепетное предвкушение любовной интриги. И Венеция не останется в долгу: она, как опытная куртизанка, будет искушать тебя снова и снова своей необыкновенной способностью к игре и удовольствиям.

Чем больше я брожу по узким спиральям калле⁴, тем более абсурдным мне кажется мнение о том, что Венеция сегодня – это умирающий город, грустный призрак былого великолепия Светлейшей Республики, второй столицы Европы и царицы Адриатики. Венеция может нравиться или не нравиться, но нельзя отрицать, что у неё есть душа. А значит, она живая. Порочный город, созданный природой и человеческим гением, в котором позволено всё. Когда-то здесь, согласно официальной переписи населения, проживало более одиннадцати тысяч куртизанок. Женщины красили волосы в золотой цвет, увековеченный Тицианом, а вдоль каналов скользили загадочные фигуры в шёлковых плащах с масками вместо лиц. Город никогда не спал. Каждую ночь были открыты рестораны, театры и множество игорных домов, где только глубоко за полночь зажигались свечи. Золото и серебро кружев, мерцание жемчуга и драгоценных камней, парча и бархат – Венеция на протяжении веков словно бросала вызов остальному миру, тонувшему в аскетизме и унынии. Здесь всегда всё было немного слишком. Стоит ли говорить, что Карнавал не стал исключением. Сегодня, как и много веков назад во время проведений зимы, здесь проходят театральные постановки, музыкальные программы, балы и концерты. Но это совсем не то, что я хочу увидеть. Мне нужна душа города. Поэтому я ухожу подальше от разрекламированных мест и кричащих витрин, всё глубже погружаюсь в тёмный и пахнущий сыростью город, в тишину. Именно здесь, в нескончаемой паутине чёрных каналов, которые причудливо петляют и внезапно заканчиваются тупиками, испытываешь захватывающее ощущение того, что впереди тебя ждёт прошлое.

В какой-то момент, стоя на очередном мостике, я понимаю, что не знаю, куда идти дальше. Очень тихо вокруг. Очаровательный безлюдный тупик, заканчивающийся белым ажурным мостом, который примыкает к стене палатцо с табличкой «Fondamenta Maria Callas». Достав карту, я рассматриваю её, но, не обнаружив похожего названия, иду вперёд и сажусь на ступени моста, наслаждаясь тишиной. Через пару минут появляются двое туристов с огромными рюкзаками за спиной. Уткнувшись носами в карту, они что-то бурно обсуждают по-английски. От этих помощи ждать нечего. Англичане оглядываются по сторонам, разворачиваются и идут обратно по маленькому мосту, а затем быстро скрываются в проулке, из которого до этого вынырнули. Снова воцаряется оглушающая тишина. Вдруг на дальнем мосту появляется мужчина. Он уверенным шагом идёт в мою сторону. Поравнявшись с дверью палатцо, напротив которого сию я, достаёт ключи.

– Scusi⁵...

Мужчина оборачивается. Я поднимаюсь со ступенек моста и приветливо улыбаюсь. Он бросает на меня оценивающий взгляд.

– Sì⁶?

Итальянец вопросительно смотрит, затем засовывает ключи в карман пальто и подходит ближе.

– Ээм, не могли бы Вы мне помочь? Я заблудилась.

– А куда Вы идете?

– К Риальто и...

– У Вас есть карта?

Я киваю. Неуклюже роюсь в своей бездонной сумке, вытаскиваю помятую карту и протягиваю ему. Он достаёт ручку и, тараторя как заведённый, быстро чертит маршрут.

– Allora, vediamo un po'... Adesso siamo qui. Deve fare quel ponte, dopo qui a sinistra, dopo prende questa calle⁷...

⁴ Calle – на венецианском диалекте означает «улица».

⁵ Извините (*ит.*).

⁶ Да (*ит.*).

⁷ Итак, посмотрим... Сейчас мы находимся здесь... Вы должны пройти тот мост, потом здесь налево, потом по этой улице (*ит.*).

Почему-то я никак не могу сосредоточиться на том, что говорит итальянец, а просто стою и рассматриваю его: красивым, в классическом смысле этого слова, он не был, но всё же... что-то... Я бросаю взгляд на туфли (первое, на что всегда обращаю внимание у мужчин) – дорогие, безусловно начищенные. Руки – ухоженные, с округлой формой ногтей, именно такой, какая нравится мне. Незнакомец одет в идеально сидящее на нём угольного цвета пальто, на шею намотан серо-белый шарф. В чёрных, слегка вьющихся волосах проблёскивает седина. «Лет сорок пять», – думаю я. Поток моих мыслей прерывает его вопрос:

– Синьорина, Вы всё поняли?

Я утвердительно киваю, хоть на самом деле ничего не поняла, вернее, просто не слушала.

– Спасибо, – забираю у него карту, собираясь уйти.

Но итальянец меня останавливает:

– Откуда Вы?

– Из России.

– А где Ваши друзья? Ну, или с кем Вы приехали?

– Я ни с кем не приехала. Я одна.

– Совсем-совсем одна?

– Да. Совсем одна.

– Подождите, вот, – он достаёт визитку из внутреннего кармана пальто, пишет на ней номер сотового, затем протягивает мне, – если что-нибудь понадобится или снова заблудитесь, звоните, не стесняйтесь.

На молочно-белом кусочке картона стоит лаконичная надпись: «Lorenzo Ferrante Architetto».

– Спасибо, – я удивлена таким поведением.

– Может, Вам что-то прямо сейчас надо? Давно гуляете? Замёрзли? У меня тут студия. Хотите зайти?

– Нет-нет. Большое спасибо. До свидания.

И уже вслед я слышу вопрос:

– Синьорина, как Вас зовут?

Оборачиваюсь:

– Александра.

– Алессандра, – растягивая гласные, произносит он.

В последний момент по моему лицу скользнула улыбка.

«Не надо было ему улыбаться», – думаю я, заворачивая за угол и начиная искать глазами урну, чтобы выбросить визитку и избавиться от соблазна позвонить или написать. Архитектор мне понравился. Но роман в путешествии в мои планы не входил, поэтому лучше всего держаться подальше от искушения. Первая мысль – самая верная, первые ощущения – самые правильные. Такое вот нехитрое правило срабатывает у меня в девяноста девяти случаях из ста. Очередное подтверждение этому я получу несколько позже. А пока, как назло, по дороге не попадается ни одной урны. Так визитка перекочёвывает из моей руки в карман джинсов. Минут через десять показывается белоснежная скобка моста Риальто. Погуляв по Мерчерии⁸, потолкавшись по сувенирным лавочкам, тщетно пытаюсь избежать толпы, я решаю, что на сегодня хватит и пора возвращаться в отель.

На Венецию мягкими тенями опускается ночь. Повсюду зажигаются фонари. И без того необычный город приобретает совершенно фантазмагорический вид: исполинские тени зданий

⁸ Мерсерия – торговая улица, в домах которой на первых этажах расположены магазины, а выше – жильё (*венец. диалект.*).

отражаются в чёрной воде каналов, ещё недавно переполненные улицы пустеют, мосты утопают в тёплом медовом свете. Поднимается небольшой ветер, становится заметно холоднее.

В научной фантастике телепортация – дело привычное. Но когда ты из мяса и костей в совершенно реальном измерении в какой-то момент вдруг оказываешься в «том самом месте», будто бы и не было нескольких часов блужданий неведомыми тропами, волей-неволей начинаешь верить, что Венеция – город, который играет по своим магическим правилам. И вот снова тот же мост, то же палаццо. Что за шутки? Как можно ещё раз оказаться в этом тупике? Просто невероятно. «Так, надо выбираться отсюда. Самой», – думаю я, уверенно шагая, судя по карте, в правильном направлении. Около часа попыток самостоятельно найти дорогу в гостиницу приводят к тому, что промозглый холод пробирает меня до дрожи, а ноги ноют от усталости. Выйти к площади Сан – Марко так и не удаётся. Зато уже в третий раз за день кто-то любуется мостом на фундаменте⁹ Марии Каллас. Словно всё это время я ходила по заколдованному кругу. Чувствуя себя человеком, который страдает острой формой топографического кретинизма, достаю сотовый и набираю сообщение: «Привет. Я опять у этого моста». Ответ не заставляет себя ждать: «У какого моста?» Да уж... Глупее текста и придумать нельзя. В любом другом городе мост мог бы стать опознавательным знаком, особым ориентиром, в любом другом, но не в Венеции – городе, где насчитывается около четырёхсот мостов. Сверху раздаётся шорох открывающихся ставен:

– Алессандра?

Подняв голову, я вижу знакомый силуэт.

– Ну и как Вам Риальто? – интересуется Лоренцо, пока провожает меня до гостиницы.

– Красиво.

– Понравилось?

– Да. Хотя я не люблю толпу.

– У Вас есть планы на вечер? Может, поужинаем? Если Вы не заняты, конечно.

– Спасибо, но я очень устала и завтра хочу сделать фотографии Венеции на рассвете.

Поэтому лучше мне лечь спать пораньше.

– Что ж, жаль... Тогда спокойной ночи. Приятных снов.

– И Вам. Спасибо.

Поворот ключа, тяжёлая дверь медленно открывается. На крутой лестнице палаццо силы покидают меня с каждой ступенькой. В номере, сняв куртку, подхожу к окну, чтобы задёрнуть ночные шторы. На кампо перед гостиницей всё ещё стоит мой венецианский проводник. Хотя, может, это не он. Наверное, просто показалось.

Ночью приходит сообщение на телефон: «Что скажете, если мы завтра днём выпьем кофе?» Сил отвечать нет. Сон снова поглощает меня.

Утром, выйдя к заливу Сан – Марко, на пустынную площадь у Дворца Дожей, я вижу, как солнце прорезает первым лучом венецианскую лагуну там, где две стихии сходятся вместе, и уже не различить, где вода, а где небо. Глубоко вдыхаю и понимаю, что Венеция всё ещё пахнет воском зажжённых свечей, терпким, но уже едва уловимым ароматом духов и пудрой.

⁹ Fondamenta— набережная (венец. диалект).

II

Сидя в обеденной зале гостиницы, я пью первую чашку капучино. Интерьер вокруг поражает великолепием: антикварная мебель, предметы старины, на стенах – венецианские ведуты¹⁰ и портреты знатных людей восемнадцатого – девятнадцатого веков, возможно, бывших хозяев палатцо. Это настоящий музей, с той лишь разницей, что здесь можно сидеть на раритетных стульях и диванах. Завибрировал телефон. Сообщение: «Доброе утро. Так что насчёт кофе?»

Особых дел у меня на сегодня не намечалось. Десять минут на кофе? Почему бы и нет? «Да», – просто отвечаю я.

Лоренцо перезванивает:

– Я буду ждать Вас у церкви Санта-Мария-дель-Джилио. От Вашей гостиницы идти минут десять.

Через тридцать минут, получив два сообщения с вопросом «Где Вы?», я всё ещё плутаю по венецианским закоулкам. Да, именно, своевременный вопрос, хотелось бы знать: где я?! Утро выдалось необычайно холодное. Я промёрзла до костей, и ещё эти толпы людей повсюду мешали передвигаться.

Лоренцо снова звонит:

– Алессандра, где Вы?

– Не знаю. Я, кажется, снова заблудилась.

– Ладно. Постарайтесь описать место, где Вы сейчас. Что видите?

– Тут церковь большая, мост и магазин Prada.

– Отлично. Я понял. Сейчас приду и заберу Вас. Только, пожалуйста, никуда не уходите. Стойте там, где стоите. Хорошо?

Минут через пять он выходит на кампо Сан-Моизе.

– Eh, ciao! Finalmente!¹¹ – он наклоняется, чтобы поцеловать меня в щёку в знак приветствия. Я инстинктивно отклоняюсь, мысленно ругая себя за это. Знаю же, что у них по этикету так принято. Никак не могу привыкнуть.

– Ciao.¹²

– Ну как утренняя фотосессия? – спрашивает архитектор.

– Хорошо. Только очень холодно.

– Да, сегодня холодный день. Хотите есть?

– Нет. Спасибо.

Мы стоим в маленьком баре. Пахнет кофе и свежей выпечкой. Но главное, здесь тепло. Итальянцы забегают, глотают на ходу огненный эспрессо и снова пропадают в лабиринте венецианского муравейника. Парочка туристов неторопливо жуёт трамедцино, запивая колой. Когда очередь доходит до нас, я вытаскиваю кошелек. Лоренцо смотрит на меня улыбаясь:

– Уберите. И чтобы больше я никогда не видел.

Всё-таки не окончательно вытравил феминизм хорошие манеры у западных мужчин.

Архитектор, как истинный итальянец, за минуту опустошает чашку. Я же пью медленно и немного нервничаю.

– Не торопитесь, пейте потихоньку.

– Как вы это делаете: пьёте кипящий кофе?

– Годы тренировок, – смеётся он, – мы можем перейти на «ты»?

¹⁰ Veduta – вид (*ит.*). Жанр европейской живописи, особенно популярный в Венеции XVIII века.

¹¹ О, привет! Наконец-то! (*ит.*)

¹² Привет! (*ит.*)

Я пожимаю плечами и улыбаюсь.

– Кем ты работаешь?

– Переводчиком.

– И какие языки?

– Испанский, французский, но больше работаю с испанским.

– А итальянский? Ты очень хорошо говоришь.

– Был небольшой курс в университете.

– Ты в Венеции впервые?

Я утвердительно киваю.

– Ну и как тебе? – интересуется Лоренцо.

– Красиво.

– Понравился город?

– Ну... Если честно, не очень.

– Да, ладно! Почему?

– Слишком много туристов. Это всё портит. За ними не видно города.

– Ха, туристы – неизбежное зло. Зимой их меньше, а вот летом – просто катастрофа.

Но знаешь, ты должна ещё раз приехать сюда. Я покажу тебе настоящую Венецию. Весь фокус в том, чтобы знать улочки, параллельные тем, где ходит основной поток людей, – так делают все венецианцы, иначе здесь невозможно было бы жить. Хочешь ещё что-нибудь поесть или выпить?

– Нет, спасибо.

– Слушай, Алессандра, мне надо вернуться в студию, сделать пару звонков по работе. Ты не против пойти со мной и подождать пару минут? А потом мы погуляем по городу.

– Хорошо.

Через пять минут я оказываюсь там, где и не мечтала, – в настоящем палаццо, не переделанном под гостиницу. Высоченные потолки и пол с венецианской мозаикой – первое, что бросается в глаза. Из узких окон с полуприкрытыми ставнями проникает совсем мало света, из-за чего в студии царит полумрак. Здесь пахнет историей. Единственное, что напоминает о современности, – компьютер и телефон. Вокруг – творческий беспорядок: свёрнутые в рулоны листы чертёжной бумаги, карандаши всех видов, какие-то причудливые линейки, рулетка, циркули – всё это и бог знает что ещё разложено на двух огромных столах. На стенах в рамках висят коллажи.

– Извини, я недавно переехал сюда. Не было времени разложить вещи по своим местам.

– Нет-нет. Всё хорошо. Таким я и представляла себе рабочее место архитектора. А что это? – я киваю головой по направлению панно с разноцветными кусочками какого-то материала, похожего на мрамор.

– Это – венецианская мозаика. Палитра всех оттенков, существующих в природе. Очень старая штука. Таких сейчас больше не делают. Пойдём, покажу тебе другую комнату.

Он ведёт меня через всю студию и показывает маленькое помещение, в котором стоит стеллаж, забитый папками, рулонами и книгами.

– Здесь я планирую сделать комнату отдыха, знаешь, поставить диванчик...

Я провожу указательным пальцем по кожаным корешкам книг.

– У тебя очень красивые руки. Можно мне их сфотографировать?

– Спасибо. Можно. На твоей венецианской мозаике.

Подойдя к стене с панно, я кладу на него руки. Лоренцо берёт фотоаппарат и делает пару кадров.

Впервые он подходит ко мне так близко. Я стою спиной, зажатая между ним и стеной. От итальянца пахнет чем-то цитрусовым, немного древесным и терпким. Это новый запах, никогда не слышала его раньше. Мне становится тревожно, оборачиваюсь и вижу, что он напря-

жён. Что-то происходит между нами, что-то, что не объяснить словами, и, вспоминая потом этот момент, я буду многие годы ощущать острые покалывания на коже. Воздух в комнате становится густым и тягучим, как горячая патока. Лоренцо немного подаётся вперёд и как бы невзначай задевает рукой мою грудь. Наверное, показалось. Но в следующий момент итальянец обнимает меня.

– Что... что Вы делаете?

Он молчит и смотрит прямо в глаза. Я чувствую себя металлом в плавильной печи. Лоренцо нагибается и едва заметно касается губами уголка моего рта. В следующую минуту колени задрожали, как если бы были желеобразными. От страха, что вот-вот упаду, я вжимаюсь в стену, а кусочки мозаики больно впиваются в затылок. Кончиками пальцев он дотрагивается до подбородка и поднимает моё лицо. Сердце пропускает удар. Лоренцо начинает меня целовать: сначала нежно, едва касаясь губ. Его поцелуи напоминают крылья порхающих бабочек. Но уже через несколько секунд они становятся более жёстким, даже чуть грубым. Кожа покрывается мурашками от удовольствия. Вдруг он прикусывает мою губу, и мы оба чувствуем вкус крови. В этот момент его затрясло. Резко развернув меня к стене, итальянец прижимается сзади. Зарывается лицом в мои волосы, с шумом вдыхает, откидывает их на другую сторону и целует шею. Почувствовав, что он пытается расстегнуть пояс моих джинсов, резко выворачиваюсь и отхожу к столу.

– Я не могу, – задыхаясь, почти беззвучно произношу я.

– Почему?

– Мы едва знакомы.

– Какое это имеет значение? Я захотел тебя с первой секунды, как только увидел. И знаю, что ты тоже меня хочешь. Наша встреча – это судьба, знак свыше. Разве ты не понимаешь?

Не знаю, что там со знаками судьбы, но я хотела его. Это было правдой. В Лоренцо чувствовался животный магнетизм, что-то, что невозможно спрятать под дорогими костюмами или замаскировать рафинированными беседами о «Шато О-Брион» урожая тысяча девятьсот двадцать девятого года. Этот мужчина был наполнен особой энергетикой, силой жизни, которая прорывалась наружу. Такая же сила жила и во мне, хотя до встречи с ним я не подозревала о её существовании. Теперь эти две стихии требовали свободы, чтобы слиться воедино вопреки всем разумным доводам.

Лоренцо подходит вплотную. Проводит пальцем по моей распухшей нижней губе. Всё ещё не в силах отдышаться, я вжимаюсь в стол.

– Ты не представляешь, какая ты...

Итальянец что-то говорит дальше, но я уже его не слушаю. В моей голове мысли бьются в жестокой лихорадке: «Бежать, надо бежать отсюда. Надо забыть всё, что произошло. Нет. Постой. Лучше подумай, когда ещё тебе в жизни выпадет такой шанс? Ты в Италии, в Венеции, рядом с мужчиной, который хочет тебя, а ты его. Жизнь только одна. Что ты теряешь? Пусть это будет маленькой венецианской тайной, кроме того, ты узнаешь, что это такое – секс с венецианским архитектором».

Я сажусь на стол и чуть откидываюсь назад, провожу ладонями по его груди, затем по животу вниз. Он нервно слатывает и закрывает глаза. Мои же напротив, широко распахиваются. От неожиданно большого приятного сюрприза. Последняя мысль, которая проносится в голове: «Это – джекпот!!»

С той минуты я больше не принадлежала себе. Помню, как что-то падало со стола, как в спину впивались остро заточенные карандаши, разбросанные по столу, хрустели какие-то чертежи... А я со скоростью света неслась по чёрному тоннелю, который то там, то здесь озаряли неоновые вспышки. Наверное, нечто подобное испытывают, когда прыгают с крыши небоскрёба без страховки или когда внезапно обрывается трос у лифта, и он летит вниз по шахте со сто пятидесятого этажа. Удивительное, невероятное чувство свободы с примесью

страха, который сжимает спазмом внутренности и растекается приторным холодком в животе. Лоренцо стал моим проводником в мир сакральных откровений и каскада удовольствий. Его страсть была заразная, всепоглощающая. Он знал о моём теле всё. То, чего раньше не знал никто, даже я сама.

– Открой глаза, – будто откуда-то издалека доносится его голос, – посмотри на меня.

Я лишь сильнее зажмуриваюсь.

– Ну же, давай. Хочу видеть твои глаза.

Я подчиняюсь и смотрю на него. В тот же момент в глубине меня что-то начинает расти, расширяться, кровь стучит в висках, дыхания не хватает. Я вцепляюсь в его плечи так сильно, как если бы от этого зависело, останусь я жива или нет. Глубокий спазм. Вскрик. И взорвалось... И накрыло одной волной. И было в этом что-то чертовски замечательное и удивительное: пусть несколько секунд, но прожить единым существом с другим человеком. А потом, медленно возвращаясь к реальности и растождествляясь с ним, слышать глухие удары его сердца.

Мы бредём по сырым извилистым улочкам, среди промерзшего камня и стальной воды. Опускается туман. Он накрывает город словно пуховым одеялом, придавая и без того загадочной Венеции совсем мистическую таинственность. Седой туман обнимает церкви, мосты, колокольни, и им уже не так холодно, как прежде. Лоренцо иногда останавливается и рассказывает какой-нибудь интересный факт про здания, мимо которых мы проходим, про калле или кампо.

Мой спутник хочет пообедать. Я – остаться одна. Нужно спокойно подумать обо всём, что произошло.

– Ты не можешь пропустить обед, – настаивает итальянец.

«Угу, ну да..., обед я пропустить не могу, а вот заняться сексом с малознакомым мужчиной – это – пожалуйста».

И да, культ еды в Италии безграничен. Если итальянцы не едят, то они думают о еде, или говорят о ней, или готовят её.

– Спасибо, но что-то не хочу есть.

– Идём, тут недалеко есть одно милое местечко, где восхитительно готовят рыбу. Настоящая венецианская кухня.

И почему я не удивлена?

С виду неприметный ресторанчик, затерявшийся среди закоулков сестьере¹³ Сан-Поло, внутри до отказа забит людьми. Судя по приветствию седовласого официанта, Лоренцо здесь достаточно хорошо знают.

– Столиков свободных нет, но через 10 минут один должен освободиться. Подождём пока в баре, – говорит он, протягивая мне запотевший бокал «Мартини Брют»¹⁴.

Место было колоритное. Стены украшали картины современных художников, а также фотографии из истории ресторана. Судя по ним, это заведение существовало вот уже больше полувека.

Первый глоток шампанского быстро уносит моё желание побыть одной в какие-то неведомые дали. Голова начинает приятно кружиться, становится снова хорошо. Когда официанты выносят из кухни очередной заказ, в воздухе витают ароматы ризотто с морепродуктами, рыбы на гриле, базилика, розмарина, орегано и чеснока. Рот моментально наполняется слюной, напоминая о том, что я ничего не ела сегодня, кроме круассана за завтраком.

¹³ Sestiere (*венец. диалект*) – так называют районы в Венеции.

¹⁴ «Martini Brut» – сухое игристое белое вино. Производится в основном из винограда сортов «Пино» и «Просекко». Создавалось как альтернатива шампанскому. Обладает мягким вкусом с нотками зелёного яблока.

– На закуску возьми осьминожков в лимонном соусе.

– Хорошо, спасибо.

– А ещё здесь самый лучший в городе суп из морепродуктов по-венедиански. Хотя и все остальные блюда тоже хороши. И на второе возьмём морское ассорти. Да?

– Я буду закуску и этот... венедианский суп.

– Хорошо. Но второе я всё же закажу. Одно на двоих. Девушка должна хорошо есть.

Когда официант уходит, разлив по бокалам «Соаве»¹⁵, Лоренцо произносит:

– За тебя, Алессандра. Лучшее, что с тобой может случиться в Венеции, – это заблудиться.

А дальше я пережила свой первый гастрономический оргазм. Не знаю, был ли тому виной мой разыгравшийся аппетит или обострённое восприятие из-за всего происходящего, но осьминоги таяли во рту, а о capesante¹⁶, которые я попробовала впервые в жизни, и говорить нечего. Эти моллюски стали моей любовью на всю жизнь с первого укуса.

– Что ты хочешь на сладкое? – слышу я, едва проглотив последний кусочек.

– Нет-нет, никакого сладкого.

– Да ладно. Ты пробовала лимонный сорбет¹⁷?

– Нет. Но, правда, в другой раз.

– Хорошо. Тогда возьмём ликёр и кофе.

От кофе я отказалась, но комплимент от заведения в виде «Лимончелло»¹⁸ пришлось выпить.

Когда мы вышли из ресторана, туман сгустился настолько сильно, что ничего не было видно на пару шагов впереди. Вдоль каналов зажгли фонари, иначе лодки не смогли бы ориентироваться. Переходя через мост Риальто, я с удивлением отмечаю, что с одного берега Канала Гранде не видно другой. Если бы не Лоренцо, который знает наизусть каждую улицу, мне бы никогда не выбраться из этих чертогов. Мы проходим под портиком, как вдруг итальянец останавливается и резко тянет за руку к стене. В следующий момент он уже бешено целует меня. Я впадаю в ступор от такого поворота, но выпитые ликёр и вино делают своё дело, и вот уже его руки на моей полуобнажённой груди.

– Я всё время хочу тебя, ни о чём больше не могу думать, – рычит он, – такая чувственная. Ты вызываешь у меня невероятное желание.

– Нас могут увидеть, – выдыхаю я.

– Успокойся, здесь редко кто-то ходит, к тому же туман. Не могу терпеть.

Лоренцо расстёгивает пальто и обнимает меня. Теперь его верхняя одежда служит для нас неким подобием ширмы по бокам. Он легко просовывает руку в мои джинсы. Я прикусываю губу, чтобы случайно не закричать от удовольствия.

¹⁵ «Soave» – итальянское белое сухое вино из региона Венето. Soave Classico Superiore с тонким ароматом яблока обладает нежной кислинкой и оставляет миндальное послевкусие. Отлично сочетается с морепродуктами, сырами и лёгкими салатами.

¹⁶ Морские гребешки (*um.*)

¹⁷ Sorbetto al limone (*um.*) – итальянский десерт.

¹⁸ «Limoncello» – итальянский лимонный ликёр, в основном производится на юге Италии.

III

Запахнув плотнее плащ, я ныряю в пропитанный влагой город. Ночь стоит удивительно тихая с антрацитовым небом и редкими всплесками воды. Бледное свечение луны пробивается сквозь серебристую поволоку облаков. Обледеневшие калле заставляют двигаться по кошачьи ловко и аккуратно: нужно скользить, едва касаясь камней вечности. Но какими бы осторожными ни были мои шаги, их звук гулко разносится по пустым переулкам. Кажется, в мире никого больше не осталось: только этот город и я. Именно вот так – оставшись один на один – я чувствую его холодное дыхание, слышу медленный стук промёрзшего сердца, вдыхаю пьянящий аромат студёной лагуны. В тёмных окнах магазинчиков переливается разноцветное муранское стекло, белеет изящное кружево, мерцает венецианский бархат. Проходя мимо палаццо, жутковато нависающими над каналами, я не заглядываюсь на тёплый свет, льющийся из их окон, не предаюсь, как обычно, размышлениям о людях, которые там живут: сейчас не время. В этом странном городе вообще не время и не место ничему из того, что делали люди в обычной жизни до того, как попали сюда.

Венеция всегда диктовала свои правила. Она требовала особых сюжетов: насыщенных, драматичных, страстных. Можно по-разному оценивать современный Карнавал, но абсолютно точно одно: несмотря на прошедшие века, дух весёлого безумия всё так же заразителен, а моральные границы, и без того зыбкие, всё так же размыты. Нельзя терять времени, надо наслаждаться каждым мгновением. И я решаю позволить отпустить себя. По крайней мере, на ближайшую ночь.

Всё началось с тувель – остроносых лодочек на высокой шпильке. Они манили своей классической роскошью и отпугивали ценой, которая никак не вписывалась в мой туристический бюджет. Но что не сделаешь ради красоты момента! И вот я уже победно неслась в ближайший магазин нижнего белья, сжимая в руке пакет, на котором стояла скромная надпись мелкими буквами, состоящая из итальянского имени и фамилии. А затем – самое главное: маска и плащ. С последним никаких проблем не возникло, в то время как найти своё «второе лицо» оказалось задачей не для слабонервных. Всего за пару часов я узнала о масках больше, чем иные люди узнают за целую жизнь. Обойдя несколько мастерских и перемерив решительно всё – от «volto» (вольто) и «Gnaga» – «Gatta» (кошачья маска с ушками) до «civetta» (кокетка), а также маски Солнца, Луны, двуликие маски, я так и не сделала выбор. Мне хотелось чего-то особенного, небанального. И тогда в одной небольшой лавочке, которая скорее походила на музей, старый мастер, долго наблюдая мои мучения и попытки объяснить на итальянском, что я хочу, сказал:

– Я знаю, что Вы ищите. Вам нужна «moretta».

– «Moretta»?

– Да, «немая служанка» – чёрный овал без рта из бархата или тонкой кожи. У этой маски нет завязок, как у других. Изнутри у неё штырь, который нужно взять в рот и удерживать зубами, чтобы маска держалась. Таким образом, никто не узнает не только лицо, но и голос, ведь как Вы понимаете, говорить в ней можно только жестами.

Мне показалось, что в этом образе есть что-то исключительно эротичное и возбуждающее. Маска обманчивой женской покорности, молчаливой менады.

– О, да! Это то, что надо. У Вас она есть?

– Нет, к сожалению, её делают только на заказ.

Немного разочарованная, я ушла из мастерской с полумаской Коломбины.

Должна признать: маска тебя меняет. Я не верила в эти рассказы, ровно до тех пор, пока не надела её и не вышла на улицы Венеции. В ту же секунду я перестала быть собой, но появился другой человек – более раскрепощённый, бесстрашный, рискованный.

Итак, я иду на встречу. Ночью. В чужом городе. В дом, который толком даже не знаю, где находится. Внезапно я чувствую, что за мной кто-то наблюдает. Вздрагиваю, оглядываюсь по сторонам и понимаю, что это пустые глазницы масок с витрин провожают меня оценивающим взглядом. Вдруг за углом взметнулась тень мужского плаща...

Я ускоряю шаг, и вот передо мной появляется то самое палаццо с чёрными окнами и белесыми на их фоне готическими ставнями. Его можно принять за одного из городских призраков, если бы не горящая пара окон на третьем этаже. После короткого звонка щёлкает замок. Медленно поднимаюсь по крутой узкой лестнице, придерживая подол. Тусклый свет еле просачивается сверху. Где-то открывается дверь, и почти сразу в пролёте третьего этажа возникает мужской силуэт. Лоренцо хорош: на фоне белой батистовой рубашки с закатанными рукавами его кожа кажется ещё более смуглой.

Я переступаю порог и откидываю капюшон плаща.

– *Buonasera, bellissima*¹⁹, – шепчет он низким, чуть хриплым голосом, не может скрыть удивление.

– *Buonasera, caro*²⁰, – мягко улыбаюсь я.

Огромная зала подсвечена лампами в виде канделябров. Немногочисленная мебель отбрасывает причудливые тени. Пахнет сырой штукатуркой, воском и уже знакомым чем-то цитрусово-древесным.

Я стою не в силах сказать ни слова: прямо передо мной во всю стену простирается фреска. Приглушённый, как от свечей, свет оживляет сатиров и нимф. Кажется, ещё доля секунды и они разомкнут круг, чтобы увлечь за собой новых гостей.

– Впечатляет, правда?

– Это... Это невероятно.

Как под гипнозом я подхожу к стене, сердце учащённо бьется.

– Лучше смотреть отсюда.

Лоренцо двигает обитый шёлковой тканью стул на середину комнаты. Я покорно сажусь на него, пола плаща раскрывается, обнажая лодыжку. Закинув ногу на ногу и позволив разрезу распахнуться выше середины бедра, я успеваю проследить за взглядом итальянца: от острого носа туфли вверх к ажурной кромке чулка. В ту же секунду в тёмных глазах вспыхивает огонь, будто бы кто-то подул на тлеющие угли. Можно физически ощутить, как в воздухе начинается движение электрических импульсов. Сталкиваясь, они превращаются во вспышки. Мы молча смотрим друг на друга.

– Шикарные туфли, – восхищённо отмечает он, нарушая слегка затянувшуюся паузу.

– Спасибо. Так вот, значит, где ты работаешь на самом деле, – теперь моё внимание разрывается между изображением на стене и архитектором.

– Хочешь, покажу тебе другие комнаты?

– Хочу, – севшим голосом отвечаю я, резко встав с кресла. Полы плаща смыкаются.

Тишину нарушает лишь мягкое шуршание ткани и стук каблуков по мраморному полу. Мы идём в глубь залы. Некоторые комнаты уже после реставрации. В одной из них стоит огромная кровать. Молча повернувшись к Лоренцо, вопросительно смотрю на него.

– Я работаю над этим проектом почти год. Иногда отдыхаю прямо здесь. Посмотри наверх, – произносит он.

Весь потолок расписан фресками.

Осмотрев другие комнаты, мы возвращаемся в зал. Он подходит сзади, слегка сжимает мои плечи руками. Сердце проваливается куда-то в низ живота. Дышать становится тяжело, как если бы вдруг в комнате закончился кислород. Итальянец распахивает мой плащ. Аккуратно

¹⁹ Добрый вечер, прекрасная (*ит.*).

²⁰ Добрый вечер, дорогой (*ит.*).

снимает его с одного плеча, затем с другого. Ткань падает на пол, волной ложась у ног. Туда же отправляются маска и чёрное платье из тонкой шерсти, которое на самом деле было длинным свитером, но в силу отсутствия нужной одежды пришлось импровизировать. Я остаюсь перед ним в одном белье.

Отступив на шаг, Лоренцо замирает:

– Donna rinascimentale... Una vera e propria donna rinascimentale²¹, – фанатично шепчет архитектор.

Он смотрит на меня так, как смотрят умирающие от жажды в пустыне на стакан с родниковой водой. Лоренцо протягивает руку и кончиками пальцев дотрагивается до моей щеки, очень осторожно, как будто боится, что я исчезну.

Никто в целом мире не умеет настолько исступлённо восхищаться женским телом, как это делает итальянец. Он боготворит его, рискует ради него. Это его самая сильная страсть и истинная любовь.

– Мадонна, такое ощущение, что ты сошла с полотен Ренессанса. Я просто не могу в это поверить.

Я тоже не могу поверить: потому что всю жизнь стеснялась своего тела, далёкого от модных идеальных параметров, потому что никто в жизни ни до, ни после него настолько не восхищался мною. Особенный стыд и неудобство я испытывала из-за большой груди. Те, кто о ней мечтают, просто не знают, что это такое в реальности. И уж абсолютно точно мне бы никогда и в голову не пришло вот так – в одном белье – стоять посреди комнаты перед мужчиной.

Он подходит, касается губами моих губ, подбородка, затем переходит к шее и ключице. Медленно опуская бретельки, освобождает мою грудь от бюстгалтера. Я прикрываю глаза, отдаваясь волне удовольствия, которая накатывает на меня при каждом его прикосновении. Лоренцо встаёт на колени и проходится губами по моему животу, медленно покусывая кожу, двигается к внутренней стороне бёдер. Время от времени он что-то шепчет на своём красивом, похожем на журчание серебряного ручья, языке, и в этом полужёпоте – полустонах слышится несдерживаемый восторг. Можно подумать, что он впервые в жизни видит женщину. Я чувствую, как его начинает немного трясти. Животное возбуждение мужчины сразу же отзывается во мне. Я погружаю пальцы в его жёсткие чуть выющиеся волосы и немного тяну за них. Лоренцо встаёт, прижимает меня к себе и, приподняв, тащит в сторону спальни. Затем начинает мучительно долго снимать оставшееся бельё. В какой-то момент не выдержав, я тяну итальянца на себя.

– Нет, неет, – шепчет он, – не торопись. *Le cose buone si fanno piano*²².

Мне всё равно. Я хочу его немедленно. От желания судорогой сводит мышцы внизу живота, а ноги бьёт мелкая дрожь. Пока он с медлительностью садиста колдует над моим телом, я впиваюсь ногтями в его бёдра. В какой-то момент он останавливается, резко хватая меня и переворачивает на живот, накрывая сверху своим телом. Мой крик эхом разносится по пустому палаццо, отражаясь от стен с вековыми фресками.

Капелька пота скользит по моей груди. Я лежу на спине и наблюдаю, как пухлые розовощёкие ангелочки с золотыми кудрями улыбаются с потолка. Медленно тело покидает невесомость, и приходится возвращаться в эту вселенную. Лоренцо лежит на боку. Немного отстранившись от меня, он подпирает одной рукой голову, а кончиками пальцев другой медленно

²¹ Женщина эпохи Возрождения... Настоящая женщина эпохи Возрождения (*ит.*).

²² «Хорошие дела делаются медленно» (*ит. поговорка*).

водит по рельефу моего тела, задерживаясь то на выпуклостях, то попадая в ложбинки. Я поворачиваю голову к нему, и он шепчет:

– Девушка, которая никогда не ужинает, – наклоняется и целует меня в нос.

Жмурясь, как кошка, я слегка потягиваюсь.

– Ммм, ну нет. Сейчас я бы что-нибудь съела.

– Давай посмотрим, который час, – он нащупывает телефон в вещах, разбросанных на полу, – мы опоздали. Все приличные места уже закрыли кухню. Хочешь, пойдём ко мне домой. Там наверняка найдётся что перекусить.

– Нет, не хочу куда идти.

– Я могу сходить в бар поблизости, что-нибудь принести сюда.

– Хорошо.

– Я быстро.

«Быстро» по-итальянски значило минут сорок. За это время я успела испугаться и дать развиться паранойи. Чёртова идиотка! Как можно было оставаться одной в чужой квартире? Ты же совсем не знаешь этого мужика! А что если он сейчас приведёт полицию и скажет, что ты у него украли деньги? Да нет, ну бред какой-то. Какая выгода ему от этого? А что если он вернётся с парочкой друзей? Будет тогда тебе венецианское приключение. Прекрати, тоже мне, насмотрелась фильмов для взрослых и теперь фантазируешь! А может, сбежать отсюда, пока он не вернулся? Я открываю окно в спальне и выглядываю на улицу: внизу – канал. Даже выпрыгнуть не получится, если захочешь. Надо было просто идти на ужин, как он и приглашал. Посмотреть фреску и в ресторан, а не провоцировать его. «Не поздновато ли спохватилась?» – шепчет мерзкий голосок внутри. Всё, выдохнула! Села! Успокоилась! Надо покурить.

Вскоре на лестнице раздаются шаги. Шаги одного человека.

– Это фрителли, – говорит Лоренцо, – протягивая мне бумажный пакет, в котором лежит что-то горячее с запахом ванили и корицы, – к сожалению, ничего более существенного там не оказалось. Чем здесь пахнет? Ты куришь?

– Когда нервничаю.

– Ты нервничала? Почему?

– Тебя долго не было. Я испугалась.

– Тебе нечего бояться со мной, Тезоро²³, – произносит Лоренцо, целуя меня в макушку.

– Фриитеелли... – повторяю я, растягивая гласные, будто пробуя слово на вкус, – что это?

– Сладость, которую пекут в Венеции в дни Карнавала.

Фрителли оказываются пончиками с изюмом, кусочками орехов, курагой и горячим заварным кремом внутри. Сверху они посыпаны сахарной пудрой. Золотистая корочка хрустнула, и я почувствовала, как во рту тёплой молочной рекой растёкся крем. В тот момент, прикрыв глаза, я, кажется, заурчала от удовольствия.

– Хочешь вина?

– Можно.

– Обычно в Италии мы пьём вино за ужином или за обедом...

– Знаю, знаю. Будем считать, что у нас ужин.

Замотанная в простыню в позе «по-турецки», я сижу в чужой стране, в непонятной квартире с малознакомым мужчиной, жуя пончики ночью и запивая их вином. Большого «не комильфо» и представить себе нельзя. Но итальянца это всё забавляет. Он смотрит на меня с любопытством:

– Расскажи что-нибудь о себе.

– Что ты хочешь знать?

– Что-нибудь, – Лоренцо пожимает плечами.

²³ Tesoro – сокровище (*ит.*). Употребляется как ласковое обращение в значении «милый/-ая».

– Разве тебе не достаточно того, что ты уже знаешь?

Эта встреча в Венеции была той идеальной ситуацией, которую французы называют «un truc de passage» (эпизод, проходящий момент, случай), когда люди легко и просто могут себе позволить делать то, что хотят, ибо они не обременены никакими условностями. Мы позволяем себе быть настоящими только с чужаками, которые исчезнут из нашей жизни также внезапно, как и появились. С ними мы можем быть безрассудными, отчаянными, искренними. Проживать каждое мгновение как последнее. С ними можно не играть, потому что в такой ситуации ты не отягощён своей социальной ролью. В этом секрет того всепоглощающего счастья, которое накрывает нас порой, как нам кажется, так не вовремя и так не с теми. На самом же деле, периодически подобная разрядка необходима каждому, ведь начиная с рождения, мы живём под гнётом всевозможных обязательств и условностей. Наша жизнь целиком и полностью состоит из запретов и ограничений. Мы боимся быть самими собой, ведь нас могут не понять, осудить и, чаще всего, так и происходит. Я ничего не хотела знать о нём. И ничего не хотела рассказывать о себе. Это всё было бы лишним, неуместным. Грубый клин реальности не должен был врезаться в магию той ночи, чтобы своей уродливостью не разрушить её.

– У тебя удивительно красивые руки, – Лоренцо медленно целует каждый пальчик. Затем тянет меня к себе. Всё ещё пребывая в позе «лотоса», я теряю равновесие и падаю. Засмеявшись, поднимаю голову и, хитро посмотрев, тихо говорю:

– Ты знаешь, я сейчас с большим удовольствием попробовала бы десерт, – и с этими словами целую его грудь, скользя губами и языком по животу всё ниже. Он откидывается назад, опёршись на руки, издаёт глухой стон. Лоренцо... Неистовый, неутомимый, всегда готовый.

Когда ночь уступает свои права первым зарницам, я на цыпочках выхожу из спальни, лишь на секунду обернувшись в дверях, чтобы в последний раз взглянуть на спящего Лоренцо. Мысленно произношу «спасибо» и шагаю в холодное венецианское утро, с едва проступающими золотисто-оранжевыми бликами на горизонте. До гостиницы меня провожает компания редких фонарей и влажный февральский воздух. Карнавальная ночь закончилась, маски сняты, и теперь нужно снова возвращаться к обычной жизни, в которой нет места роману с итальянцем, как, собственно, и с кем-либо ещё. Я только пару лет как стала спокойно жить, восстановившись после болезненного разрыва, уяснив для себя одну простую истину: удачных романов не бывает. Желания принимать участие в подобных играх больше не возникало. А от этого итальянца так и веяло неприятностями. Находиться рядом с ним дальше было бы преступлением против самой себя. Да и что у нас может быть общего? Венецианский архитектор, живущий в одном из красивейших городов планеты, с рубашками ручной работы, которую нельзя не заметить по вышитым инициалам, и обычная русская девушка – переводчик. Наша встреча была чудом или нелепой случайностью, это уж кто как видит, но то, что случилось на Карнавале, должно там и остаться.

Он позвонил через два часа, удивлённый и раздосадованный моим отсутствием. Я не смогла внятно объяснить своё бегство, поэтому отшутилась фразой:

– Карнавал окончен.

– Как окончен? Ещё целая неделя.

Ладно, «проехали». Я молчу. Что я могу сказать?

– Ты поужинаешь со мной сегодня?

– Я уезжаю вечером.

- Ну нет!! Как же так? Куда ты едешь?
- В Милан.
- Хочешь, я приеду к тебе?
- Лоренцо, не думаю, что это удачная идея, – я стараюсь отказать ему как можно мягче.

Но эту историю нужно закончить.

- Хорошо. Но если передумаешь, только скажи. Что ты будешь делать до поезда?
- Пойду посмотреть Собор Санта-Мария делла Салюте. Потом у меня билет на сегодня в Галерею Академии.

– Давай выпьем кофе часов в одиннадцать в том же баре, что и в первый раз? Сможешь прийти?

- Хорошо.

После кофе мы выходим к остановке трагетто²⁴ Сан-Джилио и он, отдав паромщику пятьдесят евроцентов, усаживает меня не на туристический аттракцион – гондолу, обитую алым бархатом и начищенную до блеска, а в неказистую лодку с деревянными лавками. Именно этим транспортным средством пользуются настоящие венецианцы. Это так здорово и захватывающе – почувствовать себя хоть немного частью нетуристической Венеции! Я даже попыталась не садиться, а проехать стоя, по примеру местных жителей, но как только мы отчалили, чувство равновесия начало меня подводить. Не так-то это просто, как кажется, – ездить стоя в трагетто, скажу я вам! Поэтому лучше присесть. Итальянец с берега провожает меня взглядом, но его безжалостно поглощает туман. В какой-то момент Лоренцо просто растворился в нём, растаял, как наваждение или предрассветная дымка. Был и нет. Впрочем, грань между сном и реальностью в этом городе абсолютно размыта, и никто не скажет, где заканчиваются грёзы и начинается пробуждение. Я оборачиваюсь. Из серой мглы вырастает и надвигается на меня могучее строение базилики.

Днём Лоренцо занят с клиентами, что является причиной моей несказанной радости. Ведь главное – не увлечься. Он хочет проводить меня на поезд, и никакие отговорки о том, что я не люблю прощания, не воспринимаются всерьёз. Венецианский знакомый настаивает забрать меня из отеля после работы. Любовь к драме итальянцы впитывают с молоком матери. Поэтому, пройдя по набережной Неисцелимых, потолкавшись на деревянном мосту Академии и посетив Галерею, я решаю забрать вещи из гостиницы пораньше, чтобы не встречаться с ним. Но вдруг раздаётся звонок:

- Где ты?
 - Иду на вокзал.
 - Почему так рано? Я освободился, давай перекусим вместе до твоего отъезда.
- Похоже, этот мужчина слово «нет» не понимает.

На улице совсем стемнело. Продавцы сворачивают свои лавочки, а туристы торопятся в гостиницы, чтобы поскорей опустить истоптанные за день ноги в ванну с водой и испытать божественное облегчение. Над Венецией поднимается луна. Она жёлтая, как огромный медовый пряник. Воздух становится по-настоящему морозным.

Мы садимся на вапоретто. И к своему удивлению, я обнаруживаю, что весь нос судна забит людьми в карнавальных костюмах. Это – потрясающее зрелище, немного нелепое, но в то же время красивое – сочетание современного транспорта и костюмов шестнадцатого века. Поездка по всему Большому Каналу ночью в свете огней, в окружении масок – поистине

²⁴ Traghetto – паром, переправа (*ит.*). Общественный транспорт в Венеции виде гондолы, который за небольшую плату перевозит пассажиров с одного берега Большого Канала на другой.

захватывающее приключение. Палаццо вдоль канала вырастают из воды чёрными силуэтами, белеют своими продолговатыми глазницами окон и отбрасывают исполинские тени на дрожащую воду. Мерцающие скобки мостов, освещённые многочисленными фонарями, парят в воздухе легко и невесомо.

Мы стоим на мраморных ступенях Стационе. В промёрзшем черничном небе дрожат мириады зимних звёзд. Они рассыпались по небу, как маленькие осколки льда, и теперь борются с масляным светом фонарей за своё отражение на глянцевой глади канала. Вокруг ни души. Кажется, мир не просто замер или уснул, а вымерз – превратился в заиндевевшее королевство. Последние минуты я вдыхаю так понравившийся мне «запах мёрзлых водорослей» и, зябко кутаясь в палантин, мечтаю поскорее оказаться в тёплом вагоне.

Лоренцо гладит мои волосы, убирая выбившуюся прядь.

– Останься, – неожиданно произносит он, – хоть на пару дней.

– Нет, не могу.

– Останься... Милан подождёт, – полупшепотом просит итальянец, взяв моё лицо в свои ладони, – останься хотя бы на эту ночь, пожалуйста. Всего одна ночь ничего не изменит.

– Нет. Это изменит всё.

– Тогда позволь приехать к тебе в Милан или в любой другой город, который ты назовёшь.

Я убираю его руки, отрицательно качаю головой и направляюсь к входу вокзала. Мой спутник молча идёт следом. Уже у вагона он спрашивает:

– Когда ты вернёшься в Венецию?

– Никогда.

– Когда мы увидимся в следующий раз?

– Лоренцо, мы больше не увидимся.

Итальянец крепко держит меня за руку. Мы стоим, молча растворяясь во взгляде друг друга.

– Мне пора. Спасибо тебе за всё.

Поцеловав его в щёку, я поднимаюсь в вагон, а он до последнего момента не отпускает мою руку.

Поезд уносится всё дальше в холодную итальянскую ночь прочь от «мечты, сотканной из воды, воздуха и неба». Впереди – возвращение к нормальной жизни, а где-то там, позади, под ледяными звёздами осталась шалунья-Венеция и мужчина с глазами цвета гречишного мёда.

IV

Бывают моменты, когда ты нужна абсолютно всем одновременно:

– Да, мам, привет. Да, только приехала. Да, сегодня вечером заберу Коржика. Всё хорошо, при встрече расскажу. Неее, никаких женихов. Ничего нового. Пока.

– Добрый день, Валерий Константинович. Нет, почту ещё не проверяла. Хорошо, посмотрю. А когда нужно? А, вчера... Понятно. Как всегда. Ладно, постараюсь сделать. Да, в понедельник буду.

– А, привет, красотка! Угу, уже в России. Слушай, сегодня не получится, мне нужно кота забрать от мамы. Давай в выходные?

Смс: «Ciao, Alessandra. Come stai? Tutto bene? Un bacio²⁵».

Ох, ну вот сколько можно? Три дня звонки, сообщения на телефоне и в фейсбуке остаются без ответа, уже можно понять, что с тобой не хотят говорить, разве нет?

Вечером ждал приятный семейный ужин, раздача сувениров, рассказ о впечатлениях от поездки и всякие местные новости. Коржик выбежал встречать меня в прихожую, залез на руки и замурчал, как маленький трактор. Узнал. Господи, как же я люблю этого серого полосатика! Я боялась, что он забудет меня за время отсутствия, ведь ему пришлось впервые так долго оставаться в чужом доме.

– Малыш, с тобой хорошо обращались? Не обижали?

– Твой сын – невоспитанный свинтус!

– Это ещё почему?

– Он топает и разбрасывает свои иголки.

– Мама, он – кот, а не ёж.

– У него расцветка, как у ежа. И он нас нагло игнорировал – появлялся только тогда, когда хотел есть. Жил своей жизнью. Не ласкался, не пытался подружиться.

– Просто он чувствует, что вы его не любите.

– У тебя телефон звонит.

– Это сообщение.

«Ты добралась до дома? У тебя всё хорошо? Я переживаю за тебя. Целую».

Аааа!

– Кто это? – поинтересовалась мама.

– Никто. Один знакомый.

Я решила отправить пустое сообщение, как бы намекая, что жива, но продолжать общение не хочу. Но, видимо, у итальянца была своя логика. Поэтому через секунду я получила: «Ты ничего не написала».

Уффф.

Ночью, продираясь сквозь страницы мануала к прессу холодной штамповки, меня начала грызть совесть: может, я нехорошо поступаю? Ведь если человек пишет из вежливости, то он перестаёт это делать уже после первого неотвеченного сообщения. И вообще меня с детства учили, что воспитанные люди всегда отвечают на письма. Я открыла фейсбук:

«Привет, Лоренцо. У меня всё хорошо, спасибо. До дома добралась нормально. Надеюсь, у тебя тоже всё в порядке. Пока».

Часа через два, едва моя голова коснулась подушки, телефон вспыхнул новым сообщением: «Я очень по тебе скучаю. Целую».

²⁵ Привет, Алессандра. Как ты? Всё хорошо? Целую (*ит.*).

- Это тебе – маленький привет из Венеции.
Зоя открыла пакет и вытащила серо-голубой палантин.
– О, какая прелесть. Обожаю шарфики! Спасибо, Ася! Давай, рассказывай, как поездка?
– Было мило. Италия – всегда прекрасна. Еда вкусная, мужчины красивые. Венеция...
Ну..., так... норм.
– И чё, это всё?
– Не совсем. Я познакомилась кое с кем...
– Да ладно! Ничего себе! И?
– Короче, я переспала с малознакомым мужчиной, совсем почти незнакомым.
– Аааа, я так рада за тебя! Наконец-то развязала, а то уже сколько времени у тебя не было секса? Два года? Три?
– Ладно, хватит.
– Ничего не хватит! Всё из-за какого-то дебила! Да он и мизинца твоего не стоил!
Хочу подробности! Расскажи! Расскажи, как всё было? Он итальянец?
– Угу. Архитектор. Случайно вышло...
– Ну и как секс с итальянцем?
– Фантастический. Это даже близко не похоже на то, что у меня было до сих пор.
– Ты влюбилась в него?
– Нееет, ты что? В своём уме? Я с этой ерундой завязала.
– А он в тебя?
– Ммм, нет, не думаю...
– Как-то ты неуверенно говоришь.
– Просто он всё время написывает, а я не хочу продолжать.
– А чё говорит-то?
– Говорит, что скучает, что хочет встретиться ещё.
– А ты почему не хочешь продолжать?
– Сама знаешь почему. Ничем хорошим это не закончится, а я не готова убить ещё несколько лет жизни на зализывание ран. Ты ж меня знаешь...
– Ой, да ладно! А что если это «тот самый»? Офигеть, просто офигеть: моя подружка выйдет замуж за итальянца!
– Зоооя, какой замуж?! Тебе что? Восемь лет? К тому же, я не хочу туда.
– А зря! Времечко-то быстро бежит. Тебе уже скоро двадцать шесть будет!
– Угу, осенью.
– Вот-вот. Ты одна осталась незамужняя. Пора бы и задуматься.
– Странно это слышать от тебя. Ты вот была замужем целых полгода. Много это тебе радости принесло?
– Ой, всё! А как у него там... ммм... устроено?
– А-ха-ха-ха. Так же, как и у всех мужчин, думаю! Он же просто итальянец, а не инопланетянин! Хотя... он такой большой и бархатный...
– Ааааа, супер! Так его и будем теперь называть: «Бархатный», а то я иностранные имена всё равно не запоминаю. Слушай, что я тебе расскажу сейчас: умереть – не встать! Пока ты по своим Италиям ездила, тут такое случилось: Кира ушла от мужа!
– Ничего себе!! Никогда бы не подумала...
– Да, представляешь, закрутила роман на стороне пару месяцев назад, и всё оказалось серьёзно.

– Вооот! Видишь? Поэтому я и не хочу замуж: рано или поздно кто-то кого-то бросает, так зачем самой себе придумывать проблемы?

Фейсбук, личные сообщения:

«Привет, Тезоро! Я очень рад твоему ответу. Как ты провела выходные?»

«Привет, Лоренцо. Ездил к маме, встречалась с подружкой».

«Как всё прошло у мамы?»

«Хорошо. Забрала кота».

«У тебя есть кот? Я не знал. Как его зовут?»

«Коржик».

«Завтра работаешь?»

«Лоренцо, можно вопрос?»

«Конечно, Тезоро».

«Почему ты мне пишешь?»

«Ты мне нравишься. Я не хочу тебя потерять, едва познакомившись с тобой».

«Совершенно же очевидно, что между нами ничего не может быть».

«Не понимаю. Почему?»

«У нас слишком большая разница».

«Ты про возраст?»

«Нет. Про жизнь вообще. Я для тебя – временное развлечение».

«Неправда. С первого момента у меня возникло особенное чувство к тебе. Как сделать так, чтобы ты мне поверила?»

«Никак. Не могу тебе верить, ведь я о тебе ничего не знаю».

«Я готов рассказать всё, что тебя интересует».

«Ты женат?»

«Нет. Разведён. Уже давно».

«Официально разведён или просто не живете вместе?»

«Официально».

«А дети есть?»

«Да, дочка. Лаура. Ей шестнадцать лет. Она живёт со своей мамой, но также часто бывает у меня».

«А с кем живёшь ты?»

«Один».

«Сколько тебе лет?»

«Я немного старше тебя».

«А-ха-ха-ха. Я заметила. И всё же, сколько?»

«Тебя смущает мой возраст?»

«Нет, наоборот».

«Прекрасно. Я тебе обещаю показать все преимущества отношений с мужчиной моего возраста».

«Спокойной ночи, Лоренцо».

«Спокойной ночи, Джойя²⁶. До завтра. Целую»

Входящее смс: Lorenzo

«Привет, Тезоро. Как твои дела? Я очень хочу тебя увидеть. У тебя есть скайп? Мы можем поговорить сегодня вечером? Целую».

²⁶ Gioia – радость (*ит.*).

Исходящее смс:

«Скайп есть, но интернет не очень быстрый. Не думаю, что получится».

Входящее смс: Lorenzo

«Тезоро, я отправил тебе на мейл фотографии, которые делал в студии. Ты – прекрасна. Я бы так хотел покрыть всю тебя поцелуями».

Исходящее смс:

«Спасибо. Не помню, чтобы давала тебе свою почту».

Входящее смс: Lorenzo

«Она указана у тебя в фейсбуке. Ты не сердишься на меня?»

Входящее смс: Lorenzo

«Привет, Тезоро. Я еду в Милан на соревнования по фехтованию. Целую».

Исходящее смс:

«Привет, Лоренцо. Удачи».

Входящее смс: Lorenzo

«Сегодня был удачный турнир. Я выиграл. Спокойной ночи, сладких снов, Аморе²⁷. Целую».

Входящее смс: Lorenzo

«Где ты, Джойя?»

Исходящее смс:

«На работе».

Входящее смс: Lorenzo

«Может, попробуем вечером поговорить в скайпе? Я уверен, что нам нужно многое друг другу сказать. То, что мы вот так познакомились, – это судьба, знак выше, что мы созданы друг для друга».

Входящее смс: Lorenzo

«Привет, Джойя! Я уезжаю в Верону по работе. Когда же ты приедешь? Я был так рад видеть тебя вчера в скайпе. Знаешь, так жаль, что я не рядом и не могу с тобой говорить каждый вечер, радовать тебя, доставлять тебе удовольствие. Надеюсь, скоро сжать тебя в своих объятиях. Целую, целую, целую».

Исходящее смс:

«Хорошей поездки! Целую».

Входящее смс: Lorenzo

«Аморе, я не слышал тебя уже два дня. Как дела?»

Исходящее смс:

«Всё ок. Много работы. На мое предприятие приехала делегация из Венесуэлы».

Входящее смс: Lorenzo

«Зачем ты так много работаешь? Ты совсем себя не бережешь».

Входящее. Мейл: archferrante@hotmail.com

«Саго Аморе,

я понимаю, что ты очень занята, но всё же хочу спросить тебя: когда мы сможем встретиться? Что мне сделать, чтобы ты приехала? Я так хочу тебя снова увидеть, обнять. Хочу тебя каждое мгновение, чтобы ты была рядом со мной каждую ночь.

Целую. Лоренцо».

Исходящий мейл:

«Дорогой Лоренцо,

²⁷ Аморе – любовь (ит.). Обращение «Любимый/любимая».

я не знаю, когда мы сможем встретиться. Мой контракт заканчивается в июне. До этого времени многое может измениться. Потом мне надо обязательно навестить дедушку. Он живёт в другом городе, далеко от меня. Целую. Алессандра».

Я опаздывала. Как всегда. Ненавижу опаздывать. Всё время опаздываю. Наверное, даже на собственные похороны опоздаю. Идея записаться на языковые курсы появилась ещё месяц назад: моего итальянского катастрофически не хватало для плотного каждодневного общения, а поскольку Лоренцо сдавать свои позиции не собирался, надо было что-то предпринимать. Будучи переводчиком, в большинстве случаев я не испытывала затруднений при общении с иностранцами. На итальянском же я была вынуждена изъясняться односложными предложениями и часто не могла высказать мысль развернуто. Это меня выводило из равновесия.

Урок уже, конечно же, начался. Постучавшись в дверь, я кивнула молодой учительнице: «Buonasera! Scusi!». Единственным желанием в тот момент было как можно незаметнее просочиться на дальнюю парту, чтобы не привлекать лишнего внимания. Но, к моему ужасу, парт в классе не оказалось, как, собственно, и никакой прочей привычной атрибутики, сопутствующей учебному процессу. Слушатели сидели на стульях полукругом, а перед ними девушка раскладывала цветные картинки прямо на пол и бодро щебетала на итальянском. Со стороны это больше напоминало какую-то секту, чем курсы.

– О, к нам присоединился ещё один человек, – радостно воскликнула брюнетка на русском.

Семь пар глаз тут же сфокусировались на мне. Ненавижу, когда такое происходит.

– Меня зовут Елена. А Вас? – она переключилась на итальянский.

– Александра.

– Приятно познакомиться. Расскажите нам что-нибудь про себя: сколько Вам лет, где Вы работаете...

– Эммм... Мне двадцать пять. Я работаю переводчиком испанского...

– Ооой, надо же, – вдруг раздался резкий высокий голосок, вещавший на русском, – а я тоже говорю по-испански. Вот как раз вчера встречала делегацию из Испании. Мы с Вами почти коллеги.

– Очень хорошо, Зина. Позже у нас будет время это обсудить. А теперь скажем «добро пожаловать» Александре и вернёмся к прошедшему времени.

Я с облегчением выдохнула.

Урок получился интересным. Единственным раздражающим элементом была странная женщина, которая постоянно всех перебивала неуместными комментариями и уточнениями, стараясь привлечь к себе как можно больше внимания. К концу занятия, когда раздавался её писклявый голос, у меня появлялось непреодолимое желание процитировать Козьму Прутков: «Если у тебя есть фонтан, заткни его; дай отдохнуть и фонтану». И я была не одинока в своём порыве. Но в группе подобрались на удивление терпеливые люди, поэтому все молчали. Учительницу было немного жаль.

Входящее смс: Lorenzo

«Привет, Тезоро. Как дела? Ты дома? Можно я тебе позвоню? Мне не хватает нашего общения. Я скучаю по тебе».

Исходящее смс:

«Ок. Я буду свободна после десяти вечера по Москве».

Он позвонил часов в одиннадцать. Я увидела цифры на экране +39. Код Италии. Сердце ухнуло куда-то в желудок. Почему? Не знаю. Скайп, чаты в фейсбуке, мейлы и смс не производят на меня такого эффекта, как телефонные разговоры. Все современные средства связи я воспринимаю как бездушный источник получения информации. А в разговорах по телефону есть что-то очень личное, настоящее, цепляющее за душу. Ты чувствуешь эти импульсы, бегущие по проводам, преодолевающие многие тысячи километров. Сравниться с телефоном по степени интимности могут только бумажные письма. Как будто человек передаёт тебе частичку своего тепла через листы, которые он какое-то время назад держал в руках. Разве это может заменить холодный шрифт на мерцающем экране?

А потом раздалось его чуть хриплое:

– Pronto? Ciao, Tesoro. Come stai?²⁸

Ноги закололо иголочками.

– Buonasera, Lorenzo. Bene, grazie. Tu?²⁹

– Bene, bene.³⁰

– Откуда ты звонишь? У меня нет этого номера.

– С домашнего. Я у мамы в Сорренто.

– Так значит, ты из Сорренто?

– Точно.

– А как оказался в Венеции?

– Учился там в университете, потом женился. Так и остался. Но я часто езжу на Юг, домой. Эти места дают мне силы, заряжают энергией. Кроме того, мама уже старенькая, надо чаще навещать её.

– Хорошо.

– Ты когда-нибудь была в Сорренто?

– Нет. Никогда.

– А на Капри? На Амальфитанском побережье?

– Нет. Я дальше Рима на юг не ездила.

– Аморе, ты обязательно должна здесь побывать. Клянусь, это будут самые красивые места, которые ты увидишь в жизни. И я так говорю не потому, что это – моя родина.

– Хорошо. Может быть, когда-нибудь...

– Если бы ты только могла приехать, я бы показал тебе здесь столько всего! Я сам каждый раз открываю местную красоту заново для себя. Недалеко от Сорренто у меня дом, ты можешь жить там сколько захочешь. Только представь, терраса с видом на море, где мы можем завтракать или пить вино по вечерам. А утром просыпаться вместе, обнявшись, любить друг друга.

– Звучит как сказка.

– А ещё ты же любишь кошек, здесь в саду их тааак много! Они прибегают с окрестных участков, стоит только открыть дом. Иногда запрыгивают на крыльцо, ожидая, что им перепадёт лакомый кусочек. А какое здесь море!! А воздух! А кухня! Ты не можешь не приехать сюда! Я тебе обещаю, что однажды мы будем наслаждаться всем этим вместе.

Я освободилась с работы раньше, чем планировала. До начала занятия оставалось часа полтора, это время лучше было скоротать за чашкой кофе где-нибудь недалеко от курсов,

²⁸ Алло? Привет, дорогая. Как дела? (ит.)

²⁹ Добрый вечер, Лоренцо. Хорошо, спасибо. А у тебя? (ит.)

³⁰ Хорошо, хорошо (ит.).

чтобы снова не опоздать. Остановившись на пороге кофейни, я осматривалась в поисках свободного столика. Вдруг откуда-то из глубины зала послышался знакомый голосок:

– Ciao, bella³¹!

Только не это.

– Alessandraaa, – женщина с белыми волосами, похожими на мочалку встала из-за столика и замахала мне рукой, – идите сюда!

Да, это – она, та самая странная дама с курсов. Отступать было некуда. Пока я вежливо улыбалась и усаживалась, женщина-радио начала своё вещание:

– Как же здорово, что мы тут встретились. Честно сказать, Вы мне очень нравитесь. У Вас такой талант к языкам.

– Спасибо.

– Ну что Вы! А знаете, в школе я хотела быть переводчиком. У меня же идеальный английский. Но потом передумала и вот...

– Кофе с молоком, пожалуйста, большую чашку, – попросила я официантку.

– А Вы же с испанским работаете, да? Я так часто сталкиваюсь по работе с испанцами. Нам надо обменяться контактами, чтобы при случае можно было обратиться за переводом.

– Не уверена, что могу быть Вам полезна. Я специализируюсь на технических переводах.

– Ну да, ну да, – она свершено меня не слушала, – вот моя визитка. Здесь все телефоны и адрес офиса. А «фейсбук» у Вас есть?

– Есть.

– Надо найти Вас там, – она выдавала сто слов в секунду, – так вот, я итальянский – то учу по работе, ну и друзей полно в Италии живёт. Через месяц еду в Венето, хочу наладить контакты по импорту. Мне обещали устроить встречу с главой региона.

– Ну, такими темпами ещё немного и подружитесь с самим Берлускони, – пошутила я.

– Ой, да ладно! У меня есть один знакомый, очень известный итальянский бизнесмен, он давно уже мне предлагает устроить встречу с Сильвио. Но после Хуана Карлоса... Все меркнут. Сами понимаете, такой уровень... – она на секунду умолкла. Устремившись куда-то в пространство, её взгляд стал немного мечтательным.

– Простите, не поняла. После кого?

– После Хуана Карлоса. Разве я не говорила, что знакома с ним? – тут женщина глупо хихикнула, прикрыв ладошкой рот, – очень... близко... знакома, – заговорчески прошептала она, выделяя каждое слово.

– А кто это – Хуан Карлос?

– Король Испании.

Я подавилась кофе.

– Да-да, не удивляйтесь, мой муж до сих пор считает его своим самым главным соперником. Ну что поделайте, он-то из простой семьи, а я из аристократической. Кровь берёт своё.

Чем дальше продолжался этот бред, тем больше я понимала, что она реально верит в то, что несёт.

– Простите, а где Вы познакомились с королём Испании? – я решила довести ситуацию до абсурда.

– В интернете, – невозмутимо ответила Зина.

Однако, заметив мои глаза, которые стали размером с блюдца, и еле сдерживаемое желание заржать в голос, она уточнила:

– Ну, вы же понимаете, конечно, это был не обычный сайт, а секретный форум, только для аристократов по всему миру. Туда без рекомендаций не попасть.

– А можно название этого форума? Мне просто интересно посмотреть.

³¹ Привет, красотка! (*ит.*)

– Ой, Вы знаете, его закрыли несколько лет назад. Какое это было время... Я даже чуть не развелась. Летала в Испанию на выходные, а Хуан Карлос встречал меня в аэропорту... – погрузившись в собственный делирий, она мысленно унеслась в виртуальный мир.

– Король Испании? В аэропорту? Встречал? – я уже просто не знала, после какого слова смеяться.

– Да, и ещё возил меня везде и много интересного рассказывал про историю страны. Жаль только, поначалу я не всё понимала, – немного с вызовом ответила она, видимо, задетая моё иронией в голосе.

– А, здорово, – только и оставалось протянуть мне, ведь всем известно, что не стоит дразнить гусей, собак и городских сумасшедших. Покусать могут.

– Как там твои курсы?

Это был прекрасный субботний обед с моим давним врачом-души – Анатолием. Он был на семнадцать лет старше и в несчётное количество раз мудрее. А ещё у него была крайне полезная профессия – психолог. Особенно мне импонировали его терапевтические методы: пара коктейлей «Водка-Мартини», сигареты и французский рэп.

– Нормально всё. Пристанище сумасшедших.

– А-ха-ха. Почему?

– У нас в группе есть женщина, которая на полном серьёзе рассказывает, что она в близких отношениях с королём Испании.

– Аааа! Да бабца просто стебётся над вами.

– Неа. Она реально верит в свой бред.

– Тогда это – клиника. Уже даже не мой профиль. Здесь явно психиатр нужен. А ещё какие экспонаты есть?

– Ну, пара девиц, которые думают, что на них женятся итальянские принцы, аморе у них, понимаешь...

– Тройка девиц...

– Не поняла?

– Ты сказала: «пара девиц», а я говорю тройка. Себя не считаешь?

– А-ха-ха-ха. Нет, себя не считаю. Я не хочу замуж.

– Почему?

– Все браки заканчиваются полным крахом. Посмотри хотя бы на себя – дважды разведён, и это при том, что ты – психолог. А мои родители, мои подруги? Зачем это всё? Мне хорошо от того, что я возвращаюсь домой, а там тишина, спокойствие и ждёт кот. Мы ужинаем. Кот не выносит мне мозг. Кот не подсовывает мне свои вонючие носки. В конце концов, кот не предаст. Хочу просто наслаждаться жизнью, путешествиями. Я не говорю, что это на всю жизнь, но пока так.

– Ну, рациональное зерно в твоих словах есть. Кстати, о путешествиях, как там наш герой? Что-то давно ты про него ничего не рассказывала.

– Хорошо, хорошо. Пишет, звонит. Хочет, чтобы я приехала хотя бы на выходные. Всё как всегда, в общем.

– Поедешь?

– Неа.

– Что так?

– Я не зарабатываю столько, чтобы гонять в Италию на выходные.

– Так скажи ему об этом.

– Ни за что.

– Зря. Сейчас он не понимает причину, по которой ты не хочешь ехать. Возможно, считает, что он тебе неинтересен.

– Был бы не интересен, я бы с ним не общалась.

– Малыш, у мужчин совсем по-другому устроен мозг. Нам надо говорить прямо, всё как есть. Не надо усложнять. В твоём случае достаточно фразы: «Я тоже хочу тебя видеть, но пока нет финансовой возможности». Если он не дурак и не жмот, то он предложит тебе решение. Не знаю, билеты пришлёт.

– Я никогда не соглашусь на это. Ещё чего не хватало! Чтобы он думал, что я с ним из-за денег. У русских женщин и так определённая репутация в Европе.

– Асяяя, какой ерундой забита твоя прекрасная голова. Да ничего он не подумает.

– Толь, а может всё само собой рассосётся? Ну, напишет ещё с месяц, да и отпадёт как рудимент.

– А, решила в домике отсидеться? Как трусишка?

– Не то что бы... просто если это и правда судьба, то он дождётся меня летом.

– Иногда вот смотри на тебя и думаю: откуда ты такая взялась в наше-то время? Барышня из романов девятнадцатого века.

Исходящий мейл:

«Дорогой Лоренцо,

мне предложили работу в Венесуэле на два года. Проект начинается этим летом. Пока всё на стадии переговоров, но если условия окажутся, действительно, такими, какие были заявлены, то я соглашусь. Это очень хорошая возможность для роста моей карьеры. Поэтому, к сожалению, скорее всего моя поездка в Италию не состоится.

Целую. Алессандра.»

Входящие. Мейл: archferrante@hotmail.com

«Амоге,

Несмотря ни на что, я мечтаю о том моменте, когда мы сможем увидеться. Напиши, если точно решишь поехать в Венесуэлу. Я уверен, что ты примешь правильное решение и выберешь то, что важнее для тебя. Тезоро, я люблю тебя.

Целую. Лоренцо».

На фразе «я люблю тебя» я зависла. Потупила минут пять, уставившись в стенку. Молча закрыла ноутбук, покормила кота и стала собираться на курсы.

– А зачем Вы учите итальянский? – спросила Зина.

Она подошла ко мне после занятия и пригласила поужинать под предлогом, что у неё какие-то там вопросы по переводу контракта. Поскольку возвращаться домой совершенно не хотелось, я подумала: «А почему бы и нет?»

– У меня друзья в Италии, – неопределённо пожала я плечами.

– Ой, правда? Как интересно!! А кто они?

– В смысле?

– Ну, где живут?

– В Венеции.

– А, хорошо. Лично я признаю только Север Италии. Юг – это такая отсталая деревня, прямо прошлый век. И люди там все «террони».

– Кто?

– «Террони». Ну, это презрительно их так называют, типа «деревенщина, землекоп».

– Я, конечно, не была на юге Италии, но мне кажется, что не совсем правильно вот так делить людей. Везде есть плохие и хорошие.

– Ой, ну что Вы такое говорите! Я была просто в ужасе, когда ездила на Юг: горы мусора, окурки кругом валяются, разбитые стёкла, и никто не хочет работать!

– Впервые такое слышу. А где конкретно Вы были?

– В Неаполе, Салерно, ну и мимо Амальфи проезжала.

– А, мимо. Тогда конечно.

– Да Вы не понимаете: ни один уважающий себя человек не будет ездить на Юг, и уж ни в коем случае не свяжется с южанином. Все они пройдохи и лжецы.

– Мда? А как же курорты Капри, Искья, Сорренто?

– Ну это дорогие места, а я про обычный Юг говорю.

– Не знаю. Съезжу – расскажу. Думаю, что всё зависит от человека и того, что он ищет. Везде есть плюсы и минусы. Вопрос в том, что ты хочешь увидеть.

Я начала собираться домой, едва удержавшись от цитирования вслух Бродского: «Человек – то, на что он смотрит».

Своей категоричностью и отрицательной энергией Зинаида Юрьева начала меня раздражать. Ей было за пятьдесят. Большую часть жизни она прожила в тени очень успешного и состоятельного мужа. Несчастной так хотелось признания и любви, что с появлением Интернета женщина с головой погрузилась в виртуальную пучину. Зине нравилось заводить там друзей, представляться русской аристократкой, выдавать желаемое за действительное, придуманную жизнь за реальную. Посты, фоточки, комментарии, сообщения шли от неё нескончаемым потоком. Было ясно, что человеку больше просто нечем заняться.

Он позвонил ночью:

– Лоренцо? Что случилось?

– Привет, Тезоро. Хотел услышать твой голос. Я разбудил тебя?

– Да, я уже спала.

– Извини.

– Ничего. Так что случилось?

– Ты не ответила на моё письмо.

– Я не знаю, что ответить. И если честно, последняя фраза из письма удивила меня.

– Какая фраза, Тезоро?

– Ты написал, что любишь меня.

– А разве ты сама это не понимала? Аморе, я так хочу чувствовать рядом твоё тепло, изгибы твоего тела, шёлк твоей кожи. Видеть тебя каждый день. Жить с тобой.

– Разве ты живёшь один?

– Конечно! Моя дочь живёт со своей матерью, я же тебе уже говорил. И хотя Лаура часто бывает у меня, в основном я живу один.

– А кто тебе готовит? Убирает дом? Просто не могу поверить, что такой мужчина, как ты, делает это сам.

– Приходит домработница, её зовут Мария. Она работает у меня уже больше десяти лет. Приходит только по утрам и занимается покупками, уборкой, стиркой. Готовлю я сам, но редко, потому что обычно ем не дома.

– И что? Ты ни с кем не встречаешься?

– Как я могу с кем-то встречаться, когда у меня есть ты?

– Хмм, ну, меня у тебя пока нет.

– Послушай, я хочу быть только с тобой. Если ты не сможешь приехать этим летом ко мне, то до твоей поездки в Венесуэлу я сам приеду к тебе в Россию. И мы вместе решим, как быть дальше. Я не хочу тебя терять.

Входящее сообщение: Lorenzo

«Аморе, где ты? Ты больше не появляешься ни в фейсбуке, ни в скайпе. Я искал тебя сегодня, чтобы поговорить. Целую».

Исходящее сообщение:

«Лоренцо, привет. Я дома. Я болею».

Входящее сообщение: Lorenzo

«Что случилось?»

Исходящее сообщение:

«Ничего. Простудилась».

Входящее сообщение: Lorenzo

«О, мне так жаль. У нас прекрасная погода. Мне бы так хотелось, чтобы ты была рядом, чтобы согреть тебя ласками. Вот увидишь, что скоро мы это сделаем».

Входящее сообщение: Lorenzo

«Аморе, ты вызвала врача?»

Входящее сообщение: Lorenzo

«Аморе, как ты?»

Исходящее сообщение:

«Нормально. А ты как? Что делаешь?»

Входящее сообщение: Lorenzo

«Я на презентации книги по архитектуре, потом будет небольшой фуршет, но я бы предпочёл быть дома с тобой».

Входящее сообщение: Lorenzo

«Аморе, мы не разговаривали несколько дней. Я в совершенной запарке с новым проектом. Сегодня видел твои новые фотографии. Тезоро, они прекрасны. Не представляешь, как сильно я тебя хочу. Сейчас ужинаю с друзьями. Можно я тебе позвоню вечером? Целую».

Исходящее сообщение:

«Конечно, можно. Целую и скучаю».

Исходящий мейл:

«Дорогой Лоренцо,

так получается, что я отказалась от проекта в Венесуэле: условия не совсем те, что обещали вначале. А это значит, что в июле я могла бы приехать в Италию, но мне нужно определиться с датами для покупки билетов и подачи документов на визу.

Целую. Алессандра».

Входящие. Мейл: archferrante@hotmail.com

«Аморе, я прочитал твой мейл. Для меня это отличная новость. Теперь ты можешь планировать своё будущее в Европе. Когда мы можем поговорить об этом? Мне нужно тоже знать точные даты, чтобы спланировать свою работу, потому что я хочу как можно больше времени проводить с тобой. Хочешь, я позвоню вечером? Жду не дождусь, когда мы сможем увидеться. Целую тебя всю».

Входящее сообщение: Lorenzo

«Привет, Джойя. Ты дома? Как ты?»

Исходящее сообщение:

«Привет, Лоренцо. Да, я дома. Прежде чем я куплю билеты, ответь мне на один вопрос: ты точно уверен, что хочешь меня видеть?»

Входящее сообщение: Lorenzo

«Тезоро, я абсолютно уверен, что хочу видеть тебя и быть с тобой. Целую и очень жду».

V

Июль, 2010 год

На мосту появляется знакомый силуэт. Лоренцо ещё красивее, чем я его запомнила: более загорелый и подтянутый, с демоническим огнём в глазах. В две секунды сократив расстояние между нами, итальянец изо всех сил сжимает меня в своих объятиях, восторженно выкрикивая: «Alessaandra». Облака, похожие на хлопья сахарной ваты, кружатся хороводом над нами, мелькают васильковые лоскуты неба, отражающиеся в воде канала. Мужчина гладит мои волосы и очень тихо произносит:

– Как же долго я тебя ждал, Тезоро!

Лоренцо целует жадно и глубоко, так, что уже дышать невозможно. Он прерывается, только когда раздаётся щёлканье затвора фотоаппарата. Проплывающие на гондоле туристы смотрят на нас, раскрыв рты, и кому-то из них приходит в голову «гениальная» идея увековечить романтический момент в кадре. Мои щёки вспыхивают, и я пытаюсь высвободиться из итальянских объятий. Но Лоренцо уже тащит меня к двери палаццо. Внутри темно и прохладно. Не отрывая губ, спотыкаясь о ступеньки, ударяясь о стены, мы поднимаемся по лестнице. Его запах и вкус моментально пробуждает во мне первобытный инстинкт самки. Животная страсть, уже почти забытая, накрывает с новой силой, словно цунами. Одежда нестерпимо мешает. Лоренцо расстёгивает лиф моего сарафана, в то время как я непослушными пальцами вожусь с пуговицами его тонкой белой рубашки. Неуклюже ввалившись в студию, мы находим опору в стеллажах с книгами. Он прислоняет меня к одному из них и приподнимает, я обхватываю его ногами. Кровь шумит в ушах, сердце бьётся со скоростью сто пятьдесят ударов в минуту, кожа пылает и одновременно покрывается мурашками, мышцы превращаются в натянутые стальные канаты, ногти впиваются в спину Лоренцо, который в этот раз не пытается сдерживаться. Его движения резкие, сильные, грубые. Это приводит меня в невероятный восторг. Я кричу. Он замирает и шепчет мне на ухо:

– Тебе больно?

– Нет, – выдыхаю я едва слышно, – не останавливайся.

– У меня для тебя кое-что есть, – говорю я, оборачиваясь полотенцем.

Как же всё-таки здорово, когда на рабочем месте есть ванная с душевой кабиной и комната для отдыха.

Лоренцо откладывает в сторону телефон, тушит сигарету и усаживает меня к себе на колени:

– Знаю, – его рука скользит по моему бедру.

– Нет, нет, нет. Подожди! Я серьёзно.

– Я тоже, – он начинает покусывать мою шею.

– Я тебе привезла небольшой подарок.

С этими словами вскакиваю и иду в студию, где разбросаны наши вещи.

Я протягиваю ему художественный альбом, посвящённый зодчеству Древней Руси.

– Ммм, какая прелесть! У меня никогда не было ничего подобного! Честно сказать, вообще по русской архитектуре не было никаких книг. Да ещё и на итальянском! Где ты её нашла?

– Это специальное издание. А какой смысл везти тебе книгу на русском?

- Ах-ха-ха. Ну да, ты права. Спасибо, Тезоро!
- Это не всё. Вот, – я протягиваю пакет.
- Что там?
- Стандартный русский набор: водка и икра.
- Да ладно? Правда? Никогда в жизни не пил водку.
- Ну вот и попробуешь.
- Спасибо тебе, Аморе.

У Лоренцо забавное выражение лица: он радуется, как ребёнок, и немного смущается одновременно.

– Мне нужно кое-что тебе сказать, – он затягивается сигаретой.

Я поёжилась. После таких вот вступлений ничего хорошего ждать не приходится.

– Возникли некоторые проблемы на работе, поэтому я и не смог встретить тебя в аэропорту. Ещё раз извини. Знаешь, такой безумный период... Сейчас дочь живёт со мной, потому что её мать уехала в отпуск. К сожалению, мы с тобой не сможем проводить много времени вместе. И да, я хотел, чтобы ты жила у меня, но сейчас это невозможно из-за Лауры.

Мысленно поблагодарив себя за то, что забронировала гостиницу, пожимаю плечами:

– Надо было сказать раньше. Я перенесла бы поездку.

– Я очень хотел тебя видеть, поэтому ничего не сказал. И потом, я что-нибудь придумаю. Завтра мне нужно съездить в Верону по работе. Вернусь часам к семи вечера. Ты же найдёшь чем себя развлечь днём, правда? Ужин за мной, – он целует меня в лоб, – а сейчас, прости, но я должен идти. За Лаурой нужен глаз да глаз.

Нет, я не была разочарована, просто остался горький осадок, и от чего-то хотелось плакать. «Scusa, devo andare³²» – такие простые и вежливые слова. Через две недели жизни в Венеции я возненавижу эту фразу.

С архитектором мы так и не поужинали ни на следующий день, ни через день, ни через три дня.

Венеция плавилась под раскалёнными лучами солнца. Одни оголтелые туристы сменяли других. А я ела, спала и много гуляла.

У каждого города есть свои причуды, особенно, если ему не одна сотня лет. Чтобы подружиться с таким городом, нужно запастись терпением. Когда проходит первая стадия двухдневной эйфории, ты перестаёшь хаотично двигаться от вон того красивого здания к этому мостику, восхищаясь каждым переулком. Затем устаёшь смотреть на улицы через объектив фотоаппарата, и вот тут наступает раздражение. В моём случае надо было научиться как-то мириться с обратной стороной парадной Венеции: запахом потных людских тел, зловонием прогорклого жира из китайских забегаловок, пройдошистыми официантами, старающимися обсчитать тебя при каждом удобном и не очень случае, собачьими испражнениями прямо на центральных улицах. Почему хозяева не убирают здесь за своими питомцами – вопрос без ответа. Добавьте к этому адскую влажную жару и вы получите огромное желание немедленно уехать куда глаза глядят. Ситуацию усугубляло осознание того, что застряла я здесь надолго. Поэтому далее последовал неизбежный третий этап – смирение. Через неделю я научилась выбирать правильные калле, чтобы избегать толп народа, ездить стоя на трагетто, на бегу выпивать кофе, начинать вечер с аперитива «Спритц»³³. Жизнь налаживалась. Город был благосклонен ко

³² Прости, мне пора (дословно: я должен идти) (*um.*).

³³ «Spritz» – слабоалкогольный коктейль, очень популярный в качестве аперитива. Смесь белого сухого или игристого вина (просекко), ликёра «Апероль» или «Кампари» и содовой.

мне и иногда преподносил небольшие сюрпризы. Так, гуляя по набережной с другой стороны от церкви Салюте, я наткнулась на открытую мастерскую современной венецианской скульптуры. Было любопытно наблюдать за творцом в процессе создания совершенно безумного изваяния. Но ещё более приятной находкой стала небольшая старая книжная лавка в районе Сан-Марко, где уже с улицы при входе встречали горы книг. И да, книги – это мой наркотик. Я везу их домой со всех городов и стран. Знакомые смеются, мол, из Италии нормальные женщины возвращаются с чемоданами одежды, а ты с книгами. Ну и пусть. Мне всё равно. Так вот, в том магазине я могла провести чуть ли не половину дня в поисках сокровищ. Моими советчиками в выборе литературы были многочисленные коты: они свободно разгуливали по книгам и спали прямо на них. По отношению к покупателям усадые книгочеи были абсолютно индифферентны, хотя снисходительно позволяли себя гладить желающим. Венеция, коты и книги! Что ещё тебе надо от этой жизни?

Иногда, уйдя подальше от центра, я подолгу застревала на продуваемых бризом мостиках, уткнувшись взглядом в бирюзовую воду каналов, а после обеда перемещалась под кроны деревьев острова Святой Елены. Там, грызя миндальные пряники, читала и наблюдала за ежедневным спектаклем под названием «Венецианская лагуна».

Небо было бледное от наполнявшего его июльского жара, на поверхности воды подобно тысячам осколков хрусталя рассыпались дробящиеся лучи солнца. Казалось, что жизнь вокруг замирала: птицы не пели, а рыбаки с удочками в руках были больше похожи на мраморные изваяния, чем на живых людей. Леность пробиралась под кожу, медленно растекаясь по венам. Единственными неугомонными во всём этом царстве полуденной дрёмы оказывались парусники и лодки всех мастей, сновавшие по лагуне то туда, то сюда, напоминая собой стаи мелких рыбёшек. Но иногда, из ниоткуда, появлялась огромная барракуда – гигантский круизный лайнер. И тогда все впадали в оцепенение, на несколько мгновений прекратив суету.

А потом на горизонте появлялись багряные всполохи, и огненный диск солнца клонился к закату в ожерелье расплавленного золота. Когда светило скрывалось за макушками церквей и колоколен, воздух между небом и водной гладью наполнялся особым золотисто-розовым мерцанием. Казалось, какой-то неведомый волшебник открывал коробочку с румянами и легонько дул на них. Так умирал ещё один день.

Итальянец, который с завидным упорством осаждал меня почти полгода, каждый день назначал свидание, но в последний момент всё отменял, ссылаясь на усталость или на то, что не с кем оставить дочь или ещё сто пятьдесят «или».

Я же открыла для себя целебную силу итальянского дижестива³⁴ и обзавелась «своим» барменом, благодаря которому вечера превратились в нескончаемую дегустацию алкогольных напитков всех типов и вариаций.

Бар в Италии – это пульсирующая точка на теле города. Утром сюда забегают перед работой позавтракать тёплой булочкой бриошь и чашкой капучино, днём – выпить эспрессо и перекусить панино³⁵ с моцареллой или прошутто, вечером встречаются с друзьями за аперитивом. И каждая дымящая чашка кофе, который является неоспоримым королём бара, обильно приправляется новостями и сплетнями: только здесь можно узнать, что Джузеппе хочет жениться на Кьяре, а синьоры Росси делят дом, и чем заболел дон Карло, который не пришёл на воскресную мессу. Всё это интересует итальянцев гораздо больше, чем мировые войны за нефть. А бариста всех знает и помнит наизусть, кто пьёт ристретто, а кто кафелатте. Как это ему удаётся, я не знаю, но через два – три посещения одного и того же бара мне уже не задавали вопрос: «Что желаете?», а с заговорческой улыбкой подавали постоянный заказ. После десяти вечера

³⁴ Крепкий алкогольный напиток (ликёр, виски, граппа), который пьют после ужина. Считается, что дижестив помогает перевариванию пищи.

³⁵ *Panino* – бутерброд (*ит.*).

бар в Венеции превращается в кладезь увлекательных жизненных зарисовок: итальянская пара лет сорока заказывает ликёр из лакрицы за барной стойкой и активно общается с барменом. Я уверена, что они знакомы много лет. Но бариста переключает внимание на меня:

- Видишь, из твоего города приехали.
- Как это из «моего»?
- Из Алессандрии. Ах-ха-ха. Ты же Алессандра?

И всем весело, и все смеются. Для меня итальянский юмор всегда был несколько специфичен, а проще говоря, мне редко бывает смешно от их острот. Но это взаимно: итальянцы едва ли понимают до конца русские шутки. Наверное, восприятие юмора – это самое большое различие между народами.

Он был невысокого роста, кругленький, седовласый, лет шестидесяти, в дорогих очках, и отчаянно напоминал мне певца Аль Бано. Она – долговязая девица с ногами от ушей, на каблуках и в мини-юбке, с широко распахнутыми васильковыми глазами и длинными волосами цвета льна. Он всё время что-то щебетал по-итальянски, отчего её глаза становились ещё больше, а пухлые губы расплывались в глуповатой улыбке. Итальянец пытался поудобнее усадить красотку за столик у стены и всё время повторял: «*Da bere?*³⁶». Девушка, отбрасывая пушистую прядь волос за плечо, хохотала и говорила: «Ноу, ноу». В них обоих чувствовалась какая-то скованность и робость, присущая только первым встречам.

- Первое свидание, – подмигивает мне бариста.
- А по-моему, они только познакомились.

«Аль Бано» в растерянности, усилием воли оторвав взгляд от груди голубоглазой блондинки, отыскивает где-то в недрах своего затуманенного разума английские слова: «*Drink?*³⁷ *Cognac?*» «Ноу – ноу. *Wine!*» «*Wine?*» – слегка недоумённо повторяет он. Ведь итальянцы не пьют вино после ужина, а только ликёры или более крепкие напитки. «*Ok, good*», – кивает она. Далее следует мучительное объяснение на смеси английского, итальянского и украинского о том, «вино какой страны она предпочитает в это время дня».

- Русская, – комментирует бармен.
- Украинка, – парирую я.

Победно провозгласив у стойки: «Шардоне! И виски!», итальянец быстро возвращается на своё место, как будто боится, что длинноногая нимфа испарится. Он пытается с ней поговорить – жалкое зрелище. Она не понимает и трёх слов по-итальянски, но постоянно кивает и улыбается. И в таких ситуациях у меня всегда возникает вопрос: что не так с девушками, которые не знают ни одного языка, но на любую реплику иностранца радостно кивают? А что если он предлагает вам стать проституткой или торговать наркотой? Но, разумеется, наш герой не такой. Он – хороший и с каждой новой фразой всё больше пушит хвост, рассказывая украинке то ли о своём банке, то ли о фирме.

- Как ты понял, что она из Восточной Европы?
- Только русские заказывают после ужина вино.
- Неправда.

– Правда. Я работаю барменом уже десять лет. А ещё у меня была девушка. Русская. Она всегда пила красное вино с тирамису, – последние слова сопровождаются взглядом грустного спаниеля.

- Ах-ха-ха. Понятно. Ну и что там с этой твоей девушкой?
- Она уехала в Рим. Там больше возможностей, чем в Венеции. Знаешь, она всегда привозила мне из России водку. Такой водки здесь нигде не купишь.
- Почему ты не поехал с ней?

³⁶ Что будешь пить? (*ит.*)

³⁷ Пить? Коньяк? (*англ.*)

– Не знаю. Всё так сложно...

– А почему не продолжили встречаться? Рим же не так далеко. Можно ездить друг к другу в гости или видеться где-то посередине.

– Не знаю... Это не так просто...

И тут мне стало понятно: следующие десять лет можно приезжать в Венецию и быть абсолютно уверенной, что этот бармен будет на своём месте обслуживать туристов, а после закрытия заведения возвращаться домой к маме. И не важно, что ему уже будет глубоко за сорок.

А романтическая парочка допила меж тем вино и направилась к выходу. Поскольку стены были стеклянные, то можно было увидеть, как он обнял её за талию, и они растворились в тёмных переулках Венеции. «Языковой барьер – любви не помеха», – подумала я про себя. От возбуждения и суеты наш герой забыл в баре шёлковое кашне и спустя минут десять вернулся за ним. Схватил, кинул «grazie» бармену и пулей выскочил за дверь. Очевидно, «фея» ждала его где-то неподалёку. И хотя конец этой истории в девяноста случаях из ста был мне известен, оставалось ещё целых десять процентов в пользу того, что у них будет amore vero³⁸, как говорят итальянцы. А десять процентов – это не так уж и мало.

Ближе к полуночи, когда вышедший на променад народ расплзлся по своим гостиничным номерам и квартирам, я шла на свидание с городом. Летом ночь – это единственное время суток, когда с Венецией можно побыть наедине. Хотя венецианская ночь прекрасна в любое время года. Именно тогда город снимает маску современности и угодливости, обнажая своё истинное средневековое лицо. И ты слышишь, как легко дышат камни на фундаментах, видишь, как распрямляют свою уставшую за день спину мостики. Сворачивая в узкий проулок, ты улыбаешься эху своих шагов, а редкий всплеск воды или шорох ставен лишь дополняет идиллию с городом.

– Привет, Аморе. Как твои дела?

– Привет, Лоренцо. Хорошо. Ты как?

– У меня сегодня свободный вечер, наконец-то смогу провести его с тобой.

– Знаешь, сегодня меня пригласили на ужин.

– Не думал, что в Венеции у тебя есть кто-то кроме меня.

– Вчера познакомилась в баре с двумя девушками.

– И что? Ты променяешь встречу со мной на ужин с какими-то чужими людьми?

– Да. Именно так. У тебя было много возможностей. А я не хочу провести ещё один вечер в ожидании чуда.

– Я тебе обещаю, что сегодня буду весь твой. Поужинаешь со своими новыми друзьями в другой раз.

– К сожалению, мы не обменялись номерами телефона, я не смогу перенести встречу.

– Тезоро, я знаю, что виноват перед тобой, и буду уважать любое твоё решение, но если ты хоть немного ценишь наши отношения, то этот вечер мы проведём вместе. Напишу ближе к восьми, где буду ждать тебя. Целую.

Соблазн дать итальянцу ещё один шанс был велик, ведь несмотря ни на что я хотела его. С другой стороны, он в любой момент может изменить свои планы, как делал это в другие дни, и я снова останусь в гордом одиночестве. Мозг говорил ехать к Риальто, то есть на ужин с Сильвией и Наташей – бразильяночкой и немкой, которые изучали в местном университете историю искусств. Сердце предательски скулило дожидаться новостей от Лоренцо. А когда голос

³⁸ Настоящая любовь (*ит.*).

разума волновал ту, что каждое утро начинает жить заново? Промучившись целый день этой дилеммой, я всё же решила рискнуть.

И вот на часах семь тридцать вечера, волосы уложены, кружевное бельё надето, а телефон молчит. Семь тридцать пять. Семь тридцать восемь. Я сижу неподвижно на кровати, гипнотизируя взглядом минутную стрелку. С каждым её шагом последние крупницы веры покидают меня. Тиканье часов кажется нестерпимо громким в оглушающей тишине гостиничного номера. Семь сорок пять. Провожу блеском по губам. Семь сорок восемь – два коротких нажатия – по коже приятно растекается прохлада «Versense» от Versace. Семь пятьдесят две – телефон вспыхивает сообщением: «Я застрял на работе. Ужинай без меня. Я тебе позже напишу. Извини. Целую». Семь пятьдесят пять: «Да пошёл ты!»

В надежде застать своих знакомых, я бегу к Риальто. Когда я добираюсь до места, опоздав на тридцать минут, там, разумеется, уже никого нет.

Тысячами разноцветных огней светятся рестораны, трагтории и бары. Из их распахнутых окон и дверей доносится счастливый смех компаний друзей, звон бокалов, запахи базилика, розмарина и шалфея. То там, то здесь – застенчиво целующиеся влюблённые парочки. Почтенные пожилые синьоры неторопливо прогуливаются под руку со своими жёнами. Официанты снуют туда-сюда, вынося дымящиеся блюда из кухонь на открытые террасы. Находясь в самом центре этого праздника жизни, оглядываясь по сторонам, мне хочется кричать что есть сил от досады на себя, от злости на Лоренцо и от отчаяния. Я быстро иду прочь по набережной.

В город с ночным бризом, дающим живительную прохладу, снова возвращается морской аромат. Здания, мосты и фундаменты медленно остывают. Усевшись на белоснежные ступени у кромки воды, я достаю пачку сигарет.

Проплывающие мимо вапоретто разрезают неподвижную чёрную воду. Она набегаёт и омывает мрамор, почти касаясь моих ног. В голове нет никаких мыслей. Такое странное ощущение, будто бы я наблюдаю за собой со стороны. Из непонятого вакуума меня выдёргивает телефонный звонок:

– Где ты?

– У Риальто.

– А точнее? Я сейчас приду.

Лоренцо подходит сзади. Мне не нужно оборачиваться, чтобы понять, что это – он.

– Добрый вечер, Тезоро. Прости...

– Не надо, – резко обрываю я, – мне не нужны твои извинения. Для чего они, если ты продолжаешь делать то же самое? Просто ничего не обещай. Я буду сама по себе, не буду на тебя рассчитывать, – я говорю очень тихим, но нервным голосом.

– Но я же не виноват! Я не думал, что так всё будет. И я сразу предупредил, что... – Лоренцо тоже начинает нервничать.

– А как, ты думал, всё будет?

– Думал, ты будешь жить у меня, что мы будем проводить вместе каждый вечер. Я и так чувствую себя раздавленным из-за всей этой ситуации, мне, правда, стыдно.

– Ещё раз тебе повторяю: не надо мне ничего обещать, если заранее знаешь, что не можешь этого выполнить. Я тебе не собака на привязи, не кукла, которую ты можешь дёргать за ниточки.

– Послушай, ты мне очень дорога. Я никогда ни к кому ничего подобного не чувствовал, как к тебе. Я люблю тебя.

У меня был выбор: окончательно испортить вечер, послав к чёрту итальянца или начать всё с чистого листа. Но какая женщина сможет послать подальше мужчину, который нравится до тряски и признаётся ей в любви в Венеции? Я встала и обняла его.

Утром я просыпаюсь от звона колоколов. Единственное, к чему я так и не смогла привыкнуть, – этот настойчивый звук, разрывающий тишину раннего утра, когда самый чуткий сон. Я лежу, буравя взглядом красный квадрат на сливочно-белой стене, и мучаюсь двумя вопросами: «Куда же делась Лаура?» и «Нафига в спальне вешать такую кричащую картину?» Понимая, что больше не усну, я встаю с кровати. Лоренцо напоминает кота, сладко зарывающегося в подушки. Надеваю на себя его рубашку и шлёпаю босиком по каменному полу на кухню. Но замираю в дверном проёме: ко мне спиной стоит женщина и что-то достаёт из пакетов. Видимо, я издала какой-то возглас, потому что она оборачивается и вежливо улыбается мне:

– Доброе утро, синьора!

– Доброе утро! Извините...

– Я Мария, работаю у синьора Ферранте.

– Приятно познакомиться. Алессандра, – мямлю я, попятившись.

Вернувшись в спальню, я толкаю синьора в бок:

– Эй, мог бы и сказать, что мы не одни!

– А, Мария пришла, – с закрытыми глазами бормочет он, – не переживай, она сейчас уйдет. Всё нормально. И не ходи босиком – заболеешь. Пол холодный. А лучше, ложись в кровать. И чего тебе не спится так рано?!

Мария испарилась так же бесшумно, как и появилась.

А через час у меня был первый идеальный завтрак в жизни: Лоренцо читал свежую газету и пил эспрессо из тонкой фарфоровой чашки. Я сидела за столом, поджав под себя одну ногу, поглощая свежее испечённый круассан с хрустящей корочкой, который заботливо принесла Мария. Яркое солнце наполняло своим светом столовую. Золотые лучи преломлялись и рассеивались, давая удивительное сияние. Картина «Завтрак архитектора» была однозначно достойна кисти живописцев венецианской школы. У меня по лицу расплылась глупая улыбка. В тот момент я поняла, что влюбилась в мужчину, сидящего напротив меня. Он почувствовал мой взгляд и, посмотрев на меня поверх очков, спросил:

– Что такое, Тезоро?

– Нет, ничего...

«Просто ты самый прекрасный мужчина на свете и я люблю тебя», – хочется крикнуть мне, но я молчу, а вместо этого добавляю:

– Что ты делаешь в выходные? Давай съездим на Бурано?

– Не получится, Тезоро. Я буду с Лаурой.

– А ты не можешь оставить её хотя бы на полдня?

– Не могу. Она совсем ещё ребенок, ей только шестнадцать. Я не оставлю её одну.

– Я в шестнадцать уже жила одна. А кстати, где она сейчас?

– У родственников в Тревизо.

– Тогда в выходные мы могли бы поехать втроём.

Лоренцо смотрит на меня так, как будто я сказала что-то ужасно нелепое. В его взгляде читается недоумение, удивление и страх.

– Ты считаешь, у нас такие отношения, что я должен знакомить тебя с дочерью?

– Я... я ничего не считаю. Просто предложила...

Мне кажется, что если посмотрю на него сейчас, то окаменею. Слова архитектора прозвучали, как удар наотмашь. Я не думала, что мы заживём большой дружной семьей, но интер-

претация Лоренцо была слишком циничной. Этой репликой итальянец обозначил моё место, чётко дав понять, что есть его жизнь, а есть я, и он не планирует смешивать эти параллельные сюжеты.

Внутри меня всё кипит. Хочется вскочить из-за стола, выплеснуть на его белую батистовую рубашку горячий кофе и проорать так, чтобы все соседи услышали: «Какие у нас отношения? Я сплю с тобой, вот такие у нас отношения. Я приехала из-за тебя в другую страну, потратила деньги и время, а ты живёшь своей жизнью как ни в чём не бывало. Вот такие у нас отношения!» Но, конечно же, ничего такого я не делаю, а лишь молча улыбаюсь, встаю и иду одеваться.

С того утра Лоренцо стал настроенным, старался под любым предлогом избегать встреч в людных местах, а когда это было невозможно, то заметно нервничал. У меня начала развиваться параноя: он боится, что кто-нибудь из его знакомых или друзей увидит нас вместе. Он стесняется меня.

Субботу я провела на Бурано – миниатюрном острове с разноцветными домиками, больше похожем на декорации к сказке, чем на реальное место, где живут люди. Здесь всё было пропитано негой и сладкой ленью. В уличных кафе сидели завсегдатаи, неторопливо потягивая прохладительные напитки и болтая о жизни, кое-где рыбаки чинили и красили свои лодки, кто-то сушил сети, а женщины продавали знаменитые буранские кружева. Я зашла в пастичерию³⁹ и купила выпечку, которая, по заверению весёлого пекаря, есть только на Бурано. Крендельки с корицей и вправду оказались весьма вкусными и распространяли такой соблазнительный аромат, что ко мне на лужайку прибежали два местных пёсика и стали выпрашивать лакомство. Я поделилась с ними, потом ещё и ещё, когда печенье закончилось, пёсики продолжали вилять хвостами, в надежде на сладенький кусочек. Глядя на их добродушные морды, я подумала: «Ну а ты чего выжидаешь? Какого лешего сидишь в Венеции?»

Накануне днём Лоренцо сообщил, что уезжает в Милан с дочерью на выставку, которую она давно хотела посмотреть. Для меня этот факт уже ничего ровным счётом не менял: в Венеции он или нет, я всё равно большую часть времени проводила одна.

Сборы чемодана не заняли много времени. Уладив вопрос с гостиницей, я прыгнула в поезд.

³⁹ Pasticceria – кондитерская (*ит.*).

VI

Сладкая тревога неизвестности и предвкушение чего-то нового, будоражащего воображение, знакомы практически каждому путешественнику, приехавшему в незнакомое место. За окном такси мелькают дома, улицы, отели, витрины магазинов, и ты чувствуешь себя немного сбитым с толку, потому что пока ещё кусочки городской мозаики не сложились в единую картину. Карта не всегда под рукой, поэтому ты тщетно пытаешься запомнить хотя бы тот маршрут, по которому следует таксист: отмечаешь в памяти особые детали для себя – странное дерево или причудливый фонарь, в надежде потом по ним ориентироваться. Для меня дорога от аэропорта или вокзала до гостиницы всегда кажется самой долгой, даже если потом выясняется, что она заняла не более десяти – пятнадцати минут.

Город на озере встретил меня сладковато-горьким ароматом олеандров. Дезенцано утопал в море белоснежных, кремовых, нежно-розовых и багрово-алых цветов.

С гостиницей мне повезло необычайно: она располагалась на набережной практически в центре города. Выйдя из такси, я вдохнула запах воды, в котором остро звучала терпкая нота розового лавра, и увидела бескрайнюю синюю гладь озера. Вечер уже мягко лёг на плечи города, утомлённого июльской жарой, а солнце оставило о себе в качестве напоминания лишь небольшие рыжие всполохи где-то далеко на горизонте. На набережной не было привычного парапета – она была окаймлена огромными белыми бульжниками, поднятыми со дна озера, которое много веков назад было равниной – до тех пор, пока с гор не сошла глыба льда и не превратила эти места в чудесный озёрный край, с белоснежными виллами, затерявшимися среди кипарисов, оливковых рощ и виноградников. Выдержав очередной экзамен на чувство прекрасного, я отправилась спать.

На следующий день была запланирована поездка на север озера, в Лимоне-суль-Гарда. По дороге со мной случился эстетический коллапс. Утром вода поменяла свой цвет с глубокого синего, который я видела вечером, на аквамариновый, бирюзовый и темно-циановый. Неземным осталась её кристальная прозрачность: около каждой пристани было видно дно, усеянное белыми камнями. Ближе к северу горы, вернее скалы, где-то покрытые растительностью и оттого изумрудно-зелёные, где-то грустно-серые, каскадом падали в воду. По ним эклектичной мозаикой рассыпались белоснежные руины древнеримских вилл, сизые стены средневековых замков и разноцветные жилые домики. Под облаками парили парапланеристы, внизу укрощали волны сёрфингисты, словно мелкий бисер, брошенный чьей-то небрежной рукой, покачивались на волнах яхты и катера.

Всю поездку я провела на корме и, подобно маленькой ручной обезьянке, скакала от борта к борту с фотоаппаратом, забыв первое правило находящихся у воды (или в моём случае на воде): освежающий ветерок и приятные прохладные брызги – злейшие враги, если у тебя белая кожа.

Лимоне – тёплый городок, пропитанный запахом цитрусовых деревьев, примостился у подножья скал. На деревянных мостках пристани туристов встречали упитанные утки. Они грелись на солнышке, важно переваливались с боку на бок, неспешно прогуливаясь по набережной, и были не прочь полакомиться какой-нибудь снедью. Я прошлась по рыночку, пестрящему всякой туристической ерундой, сделала остановку в баре, переполненном пожилыми немецкими парами, и направилась в глубь города по его крутым горным улочкам, в надежде отыскать тень. Так я оказалась в мини-государстве лимонов и лимонишек – их пронзительного солнечно-жёлтого взгляда нигде нельзя было избежать. Они подмигивали звонками из каждой двери, смотрели табличками с номерами домов или просто висели на стенах сувенирным напоминанием о названии города. Если это место отождествлять со вкусом фрукта, в честь

которого оно названо, то для меня это был не тот лимон, которым закусывают коньяк, – кислый и отрезвляющий, а тот, который утопает в медовом сиропе.

Вечером в гостинице зеркало продемонстрировало, что с моей стороны было очень опрометчивым поступком пренебречь солнцезащитным кремом.

Путешествие в страну Лимонию окончательно и бесповоротно превратило меня спелый томат. На открытых частях тела не было ни единого кусочка кожи, который бы не болел. Пришлось ползти в аптеку за снадобьем после ожогов. В довершение «праздника» ночью меня начал бить озноб и поднялась температура.

Весь следующий день я провалялась в кровати, обильно поливая себя спреем с пантенолом. Ближе к вечеру, когда появились силы сделать короткую вылазку за водой и фруктами, зазвонил телефон:

– Привет, Тезоро! Как твои дела?

– Привет. Нормально, – сквозь зубы процедила я.

– Я сегодня вернулся из Милана. Поужинаем? – как ни в чём не бывало продолжил Лоренцо.

– Конечно! Почему бы и нет? Приезжай, – мой тон был пропитан сарказмом.

– Куда?

– В Дезенцано на Гарде.

– Что?

– Я уехала из Венеции.

Повисла небольшая пауза.

– Какая же ты молодец, что поехала на Гарду! Это замечательное место! Не перестаю удивляться тому, как ты всегда находишь такие правильные решения! Сколько дней планируешь пробыть на озере?

– Пока не вернусь в Россию.

– Я приеду к тебе на выходные. Это будет чудесно! В какой гостинице ты остановилась?

Сил на выяснения отношений не было. В тот момент меня больше волновал верхний слой эпидермиса, который вздулся волдырями и намеривался начать отваливаться.

Через сутки, когда отражение в зеркале становится не столь пугающим, я разживаюсь на рецепшен картой Дезенцано и отправляюсь гулять по городу. Но не успеваю пройти по набережной и пятидесяти метров, как слышу уже привычное «Ciao, bella⁴⁰!» от незнакомого человека. Даже не взглянув на него, я бормочу себе под нос «чао» и прохожу мимо. Мужчина останавливается, о чём-то думает и, развернувшись на сто восемьдесят градусов, идёт следом за мной:

– Извините, синьорина, как Вас зовут?

Я молчу.

– Откуда Вы?

Тишина. Самый действенный способ сделать так, чтобы от тебя отстали – игнорировать.

– Ну что же Вы молчите? Совсем не понимаете итальянский?

– Я Массимо. А ты? – он активно жестикулирует руками, чтобы помочь коммуникативному процессу. – Массимо – ...?

Не глядя на него, я улыбаюсь и молчу. Он вежлив и соблюдает дистанцию. Просто идёт рядом.

– Ох уж эти немцы! Ни черта по-итальянски не понимают.

⁴⁰ Привет, красотка! (ит.)

– С чего это ты решил, что я не понимаю по-итальянски?

– О, привет! Ты молчала всё время. Здесь отдыхает много немцев. Вот я и решил, что ты – одна из них.

– Может, я просто не хотела разговаривать.

– Ну, а теперь, раз уж мы всё равно выяснили, что ты говорящая, может, скажешь мне свое имя?

Массимо был забавный. Впервые за последние две недели у меня появилось желание от души рассмеяться.

– Александра.

– Массимо.

– Я уже поняла.

– Откуда ты?

– Русская.

– Правда? – с удивлением в голосе уточняет он. – Ух ты...

– Правда. Разве это так необычно?

– Нет-нет. Ты здесь одна?

Я киваю.

– Тогда, может, хочешь прокатиться на яхте?

Этот вопрос заставляет остановиться уже меня. Я окидываю Массимо оценивающим взглядом с ног до головы: обычный мужчина лет тридцати пяти, крепкий, с небольшим животиком, высокий, с тёмно-русыми коротко стриженными волосами, зелёными глазами, в которых пляшут дьяволята, и хулиганской мальчишеской улыбкой. Запахло приключениями.

– Хорошо. Где твоя яхта? – спрашиваю я, ожидая увидеть какое-нибудь утлое судёнышко. Сейчас всёлами предложит грести, не иначе. Я же ещё та «фартовая» девчонка.

– Она в порту. Сейчас схожу домой за ключами.

– А где ты живёшь?

– В центре. За собором. Пять минут отсюда.

– Ладно. Иди. Встретимся в порту.

Внутренне я ликую, что появилась возможность сбежать, но он как будто прочитал мои мысли:

– Эээ нет, я тебя одну не оставлю. Пошли со мной.

– Не пойду.

– Почему? Ты меня боишься?

– Нет, но я тебя не знаю.

– Ммм, значит, на катере ехать с незнакомцем – это нормально, а в дом к нему идти – нет?

В логике Массимо не откажешь. Хотя в квартиру, занимающую половину этажа, я зайти всё же не рискнула, предпочла подождать на лестнице.

Небольшой белоснежный катер, словно острое лезвие, легко рассекает изумрудный шёлк озера. Мы быстро набираем скорость, и мелкие брызги приятно бьют в лицо. С каждой секундой земля остаётся всё дальше, пока не превращается в тёмную точку, а потом и вовсе исчезает за горизонтом. Едва ступив на палубу, я чувствую, как тело наполняется невероятной лёгкостью, из головы мгновенно исчезают все тяжёлые мысли. Только воде под силу смыть все мои проблемы и усталость. Эта удивительная метаморфоза происходит каждый раз, когда я оказываюсь на борту. Лодки для меня всегда были символом свободы и грации. Ничто не пробуждает во мне столько восторга и восхищения, сколько катера. Возможно, это связано с детством, а возможно, вода – моя стихия.

Бескрайняя гладь озера поражает своим спокойствием. Я стою на палубе, откуда открываются живописные виды на лимонные сады и оливковые рощи.

– Смотри, прямо по курсу, – кричит Массимо, – замок Скалигеров.

Прямо из воды на нас надвигаются зубчатые стены из серого камня.

– Ты не хочешь искупаться? – спрашивает мой новый итальянский знакомый после того, как мы совершили круг почёта по озеру и пришвартовались в небольшой бухточке.

– Хочу, но у меня нет с собой купальника.

– Можешь без купальника. Я не стесняюсь.

Массимо открывает бутылку просекко и протягивает мне бокал.

– Ах-ха-ха. У тебя всё так просто, да?

– Да. А зачем усложнять? Я люблю простые вещи: пиво, большую женскую грудь, свою лодку, гонять на мотоцикле, вкусно поесть. Одним словом, жить в удовольствие.

– Очень честно.

– А что любишь ты?

– Эммм, я люблю море. Люблю читать. Книги – мой наркотик. Люблю живопись, особенно импрессионистов и маринистов. Мне нравится посещать всякие исторические места: руины, средневековые замки.

– Коты или собаки?

– Коты, собаки, кролики, хомяки. Я всех животных люблю, кроме змей.

– Рыба или мясо?

– Рыба.

– Опера или дискотека?

– Разумеется, опера! Как тебе только в голову пришло, что мне нравятся дискотеки?

– Ты очень молодая. Сколько тебе? Двадцать три?

– Почти двадцать шесть.

– Мне сорок два.

– Надо же! А я бы не дала больше тридцати пяти. Хорошо сохранился!

– Это потому, что я не женат. И никогда не был. Все мои женатые ровесники выглядят гораздо старше меня.

Тем временем катер окружают белоснежные лебеди. Они вытягивают свои длинные шеи, выпрашивая вкусняшки.

– Как думаешь, им можно крекеры?

– Думаю, им можно всё. Эти птицы ужасные прожоры. И береги пальцы! Они здорово кусаются.

– А потрогать их можно?

– Конечно.

Так впервые в жизни я погладила лебедя.

– Что ты делаешь вечером? Поужинаешь со мной? Только отвечай быстро, пока не успела придумать причину для отказа.

– Ничего. У меня нет планов на сегодняшний вечер.

В гостинице меня встречает растерянный служащий:

– Синьорина, Вам звонил мужчина несколько раз. Просил перезвонить ему. Вот номер, – он протягивает мне бумажку с нацарапанными цифрами.

– Спасибо.

Я и без записки знаю номер этого мужчины.

Лоренцо зол:

– Я звонил тебе весь день! Весь чёртов день!! Твой сотовый выключен! Где ты была?!

– Я не обязана сидеть в гостинице. А сотовый разрядился.

– Ты не ответила на мой вопрос. Где ты была?

– Гуляла.

– Весь день?

– Да, а что?

– Ладно. Я звонил тебе сказать, что у меня не получается приехать вечером в пятницу.

Я приеду в субботу после обеда.

На встречу я опоздала на двадцать минут и была уверена, что меня там уже никто не ждёт. Ну и к лучшему! Но Массимо стоял ровно в том месте, где мы договорились встретиться, и сиял, как начищенный пятак.

– Извини за опоздание.

– Да ладно! Всё в порядке. Мы всегда куда-нибудь опаздываем. Мы же итальянцы! Это нормально.

К своему удивлению, я обнаруживаю, что Массимо здесь знают все и каждый. С ним невозможно спокойно посидеть в баре или пройти по улице – постоянно кто-то здоровается, желает хорошего вечера, спрашивает про родственников. Нас обслуживают вне очереди, в ресторане приносят десерт за счёт заведения, кажется, жизнь крутится вокруг него.

– Ты – местная знаменитость?

– Нет. Просто вырос с этими людьми. Всю жизнь живу здесь.

Вечер подходит к концу, и я решаю, что самое время задать вопрос, мучающий меня ещё с обеда.

– Массимо, когда ты меня встретил, у тебя же были какие-то свои дела?

– Я шёл на добрую порцию спагетти к маме.

– Вообще-то, я серьёзно.

– Я тоже серьёзно. У меня был обеденный перерыв.

Большого клише и придумать нельзя: познакомиться с итальянцем, который шёл кушать спагетти к маме!

– Так почему же ты не пошёл к маме? Почему не вернулся на работу?

– Потому, что встретил тебя. Это мне показалось важнее, чем спагетти.

– А работа?

– Я инженер, работаю фрилансером. Работа, как и спагетти, была и будет завтра, послезавтра, а ты – кто знает? Я не мог упустить такой шанс.

Я не нахожусь что ответить. Мы медленно идём по улочкам городка, наслаждаясь вечерней прохладой. В воздухе витает еле уловимый аромат цветов, кипарисов, кофе и озера. Туристы расходятся по своим гостиницам, город пустеет.

– Может, пойдём ко мне? У меня есть замечательный ликёр.

– Нет, спасибо.

– Почему? Я же просто ликёр предложил.

– Спасибо за ужин. Спокойной ночи!

– Подожди. Не уходи вот так. Извини, если я тебя обидел.

– Ты меня не обидел, Массимо. Просто ошибся. Я не ищу романов.

– Я ничего такого не..

– Послушай, давай проясним ситуацию: мы провели сегодня замечательный день, и я благодарна тебе за это, но у меня есть любимый мужчина. Тебе не на что надеяться. Мы можем быть только друзьями.

Как только я произнесла эти слова, в моём мозгу молнией пронеслась мысль: «А этот мужчина, он действительно есть у тебя?»

– Я всё понял. Тогда спокойной ночи. И передай, что ему повезло.

– Спокойной ночи, Массимо. Спасибо за вечер и за прогулку на катере.

К счастью, мы уже дошли до гостиницы и можно было не продолжать разговор. Завтра будет новый день. А на выходные приедет Лоренцо.

За завтраком у меня звонит телефон. Кто говорит? Массимо.

– Привет! Ты в гостинице?

– Привет, да.

– Выйди на пять минут. Можешь?

Он улыбнулся и жмурился на солнце, как мартовский кот.

– Что ты здесь делаешь?

– Пришёл предложить тебе куда-нибудь съездить. И я всё помню, мы просто друзья.

– Спасибо, но я не могу. Жду гостя.

– Когда?

– Вечером, – соврала я.

– Отлично! Тогда у нас есть время до вечера. Куда бы ты хотела поехать?

По правде говоря, я бы хотела, чтобы он от меня отстал, но сидеть одной в номере и отказаться от возможности немного развлечься было бы глупо.

– Я хочу искупаться.

– Прекрасно. Бери купальник и пошли в порт. Ты была уже в гротах Катулла в Сирмионе?

– Ещё нет.

– Поехали. Тебе понравится. Это развалины виллы богатого римлянина. По одной из версий, принадлежала древнеримскому поэту Катуллу. С озера хорошо видно.

– А можно я поведу катер?

– Ты умеешь водить?

– Умею.

– Меня дедушка научил.

– А ты, случайно, не шпионка? – Массимо подозрительно смотрит на меня.

– Нет.

– А если подумать, то всё совпадает: русская, говоришь на разных языках, молодая, красивая, путешествуешь одна в месте, недалеко от которого находится военная база. – Массимо начинает носиться по палубе с воплями. – *Mamma mia!* Я – Джеймс Бонд! Я познакомился с русской шпионкой!! Я – агент ноль ноль семь!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.